

ГЕНРИ ВЭЗЛИ ЛИДДЕЛ ГАРТ

ПРАВДА О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

Генри Лиддел Гарт

Правда о Первой мировой

«Точинов Виктор»

Лиддел Гарт Г. Б.

Правда о Первой мировой / Г. Б. Лиддел Гарт — «Точинов Виктор»,

Эта война унесла более 10 миллионов жизней. Эта катастрофа погубила четыре империи, в том числе и Российскую. Эта трагедия сломала историю Европы и судьбу всего человечества. Классический труд крупнейшего британского историка и военного теоретика, которого заслуженно ставят в один ряд с Клаузевицем и Жомини, по праву считается одним из лучших аналитических обзоров Первой мировой войны.

© Лиддел Гарт Г. Б.

© Точинов Виктор

Содержание

От редакции	5
Из предисловия автора	7
Глава I. Истоки войны	8
Глава 2. Силы и планы сторон	31
Силы сторон	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Генри Бэзил Лиддел Гарт Правда о Первой мировой

От редакции

Вниманию читателя предлагается одна из первых работ знаменитого британского историка Бэзила Генри Лиддел-Гарта. Увидевшая свет в 1930 году, она была переведена на русский язык и опубликована «Воениздатом» в 1935 году, но с тех пор ни разу не переиздавалась.

О Первой Мировой войне написано огромное количество книг – документальных и мемуарных, обзорных и посвященных отдельным операциям. Однако большинство из них являются сугубо описательными: они более или менее подробно излагают хронику тех или иных событий, не давая их разбора.

В этом плане книга Лиддел-Гарта выгодно отличается от большинства других работ: она не просто содержит общий обзор событий Великой войны, но и дает их аналитический разбор. Название, выглядящее в русском переводе несколько претенциозно, по-английски звучит как «The real war 1914–1918» – то есть «Война 1914–1918 годов, какой она была в действительности». Автор ставит себе задачей не только дать системную хронику событий в их причинно-следственной взаимосвязи друг с другом, но и показать, насколько большую роль в происходившем играл личностный фактор. Последнее, в свою очередь, заставляет его давать оценки действиям полководцев и политиков – в первую очередь английских, французских и немецких.

Зачастую эти оценки звучат весьма нелицеприятно, но при этом никогда не выглядят однозначными. Автор, в отличие от многих современных историков, не стремится демонстрировать бездарность и жестокость одних генералов, противопоставляя им талант и благородство других. Он не стесняется скрывать свои симпатии к Фошу, Китченеру или Ллойд-Джорджу, либо восхищения талантами Гофмана,¹ одновременно весьма критически высказываясь о Жоффре или Хейге – но при этом старается быть справедливым, отмечая как достоинства, так и недостатки тех и других.

Обращает на себя внимание в целом критическое отношение Лиддел-Гарта к германскому командованию. Он совершенно справедливо оценивает Гинденбурга как парадную фигуру, в военном отношении близкую к нулю, высоко ставит Людендорфа, но не затушевывает его ошибок – видя их причины в первую очередь в психологической обстановке, особенно на последнем этапе войны, в кампании 1918 года. Точно так же поражение немецких войск на Западе в 1914 году, приведшее к крушению «плана Шлиффена», Лиддел-Гарт видит в недостатке решимости у Мольке и Фалькенгайна, побоявшихся поставить все на одну карту, пусть даже сулившую верный выигрыш. Нельзя не отметить, что в этом плане книга выгодно отличается от последующих работ автора, чересчур некритически оценивающих немецкий генералитет следующей войны – Второй Мировой.

Вполне объяснимо, что книга английского историка посвящена в основном Западному фронту и действиям англо-французской коалиции; Восточному фронту и операциям Российской армии уделено гораздо меньше внимания. Но при этом автор неоднократно оговаривается, что роль России в этой войне была огромна и ее нельзя недооценивать и принижать. Но в данном случае для нас интереснее другое: сравнение оценок Лиддел-Гарта, касающихся Пер-

---

¹ Небезынтересно сравнить это отношение с оценкой советских военных авторитетов того же времени: в 1929 году, в предисловии к русскому изданию мемуаров Макса Гофмана Р. Эйдеман назвал его «одним из наиболее талантливых представителей прежнего германского штаба».

вой Мировой с современными оценками Второй Мировой. Бросается в глаза, что превосходство германской армии в тактике и в уровне управления войсками для автора является само собой разумеющимся, он даже не считает нужным обращать на этот факт особое внимание и подвергать его специальному разбору. Союзники вели действия, обычно имея превосходство в силах, зачастую весьма существенное – для автора это естественно. Потери англичан и французов как правило в два раза превышали потери германских войск – Лиддел-Гарт воспринимает данный факт как неприятный, но в целом не удивительный. Вот если при значительном превосходстве в силах и огромных потерях результат операции не был достигнут – лишь тогда неудача требует специального критического разбора с определением причин и необходимых мер по их устранению.

В результате книга получает еще одно измерение, не предусмотренное автором. Сравнивая события Первой Мировой через призму взгляда британского аналитика, не беспристрастного, но спокойного, мы можем оценить и адекватность нашего взгляда на события Второй мировой войны. Те события, которые до сих пор вызывают у нас бурю эмоций – понятных и неизбежных, но зачастую очень мешающих объективному анализу.

Для настоящего издания довольно-таки шероховатый текст перевода 1935 года заново отредактирован, исправлены некоторые явные ошибки, имена и названия по возможности приведены к общепринятым стандартам. Снято чересчур идеологизированное предисловие М. Ланда, однако оставлены практически все примечания – в большинстве своем вполне корректные и информативные.

Из предисловия автора

Я не желаю скрывать недостатки этой книги, так же как и скрывать недостатки тех, о ком говорится на ее страницах. Стремясь к правде, я не пытался прибегать к гипокрифическим румянам, чтобы скрашивать все с целью удовлетворить тому, что считается «хорошим тоном».

В моей оценке тех или иных моментов мне важнее было дать материал для верного суждения, чем «кудахтать» над «объективными причинами и реальными возможностями» для сохранения репутации отдельных личностей, чтобы дать им возможность и в будущем губить людей. Вооружась перспективой истории, я не могу расценивать репутации этих личностей выше судеб целого народа или одного из его поколений.

С другой стороны, у меня также нет охоты преувеличивать недостатки отдельных лиц для оправдания обще распространенных и часто ошибочных выводов, либо приписывать этим лицам все те ошибки и безумства, за которые должен расплачиваться народ в целом.

Настоящими задачами историка являются выявление опыта, постановка на основании этого опыта диагноза и предостережение будущих поколений – но никак не составление патентованных лекарств. Конечно, историк окажется беспочвенным оптимистом, если он будет думать, что грядущие поколения потрудятся внять его предостережениям.

Заглавие этой книги, имеющее двоякий смысл, требует короткого пояснения. Некоторые могут оказать, что война, нарисованная здесь, не есть «настоящая» война и что «настоящую» войну «надо искать в исковерканных телах и в психике отдельных индивидуумов». Я совершенно не собираюсь игнорировать или оспаривать эту правильную, но одностороннюю точку зрения. Для каждого, кто пытается, как я это делаю здесь, смотреть на войну как на эпизод в истории человечества, эта точка зрения не так важна. Хотя война и влияет сильнейшим образом на отдельных индивидуумов, но индивидуумы эти насчитываются миллионами, а корни их судеб теряются в весьма далеком прошлом. Поэтому, безусловно, необходимо оценивать войну в перспективе и отделять главные ее нити от клубка человеческих несчастий и страданий – от личных переживаний участников войны.

Попытка сделать это является тем более желательной, что нахлынувшая на нас за последнее время литература о войне не просто индивидуалистична, но фиксирует все внимание на мыслях и чувствах некоторых отдельных пешек войны.

Правда, война велась и решалась скорее психикой индивидуумов, чем столкновением физических сил. Но это происходило в кабинетах и в военных штабах, а не в рядах пехоты или в уединении разоренных войной домов.

Другой преднамеренный смысл заглавия заключается в том, что уже настало время, когда можно писать правдивую историю войны. Правительства с беспримерным самоотвержением раскрыли свои архивы, а государственные мужи и генералы – свои сердца. Можно смело оказать, что в настоящее время большинство свидетельств о войне или уже опубликовано, или доступно для изучения.

Но эти свидетельства пока еще недостаточно прокомментированы.

Появление до сих пор в обильном количестве документов, дневников и мемуаров о войне хорошо в том отношении, что их еще возможно проверить личными показаниями тех, кто участвовал в критических периодах войны и кто принимает участие в обсуждении опыта войны. В подобных «очных ставках» заключается для историка отличная возможность установить истину.

Чем больше историк является свидетелем описываемых им событий или чем ближе он соприкасался с участниками этих событий, тем сильнее он приходит к убеждению, что история, основанная исключительно на официальных документах, – искусственная история. К тому же нередко история невольно попадает и во власть кустарной «мифологии» – легенд о войне.

Глава I. Истоки войны

Пятьдесят лет были затрачены на подготовку Европы к взрыву, и пяти дней оказалось достаточным, чтобы взорвать ее. Изучение того, как заготавливались подрывные средства, явившиеся основной причиной конфликта, лежит за пределами кругозора и объема краткой истории мировой войны. Иначе нам пришлось бы обрисовать влияние Пруссии на создание германского государства, политические концепции Бисмарка, философские тенденции Германии и ее экономическое положение, т. е. совокупность факторов, превративших естественное стремление Германии к коммерческим целям в погоню за мировым господством. Нам пришлось бы также проанализировать тот пережиток средневековья, каким являлась Австро-Венгрия, понять ее сложную национальную проблему, искусственность ее правящих учреждений и то безграничное тщеславие, которое в своем безумии пыталось отсрочить неизбежный конец.

Нам пришлось бы исследовать необычную смесь самомнения и идеализма, руководившую политикой России и возбуждавшую опасения за границы – главным образом среди германских соседей России, смесь, которая была, может быть, наиболее смертоносной составной частью мешанины, приведшей к конечному взрыву. Нам пришлось бы уяснить себе постоянную тревогу Франции по поводу непрерывных агрессий, которым она подвергалась с 1870 года, изучить возрождение доверия, которое помогло ей противостоять дальнейшим оскорблениям и в глубине души затаить тяжкую обиду за раны, нанесенные ее телу Германией хирургическим отсечением Эльзас-Лотарингии.

Наконец, нам пришлось бы показать постепенный переход Британии от политики изоляции к политике, сделавшей ее одним из равноправных членов европейской системы, и медленное распознавание ею истинных чувств к ней со стороны Германии.

Но и обобщения, сделанные на основе такого исследования истории Европы за полвека, могут быть не менее точными, чем даже подробное изложение событий.

Основные причины конфликта можно сформулировать тремя словами: страх, голод, честолюбие. Вне этого «международные инциденты», имевшие место между 1871 и 1914 годами, являются только симптомами. Все, что в данном случае возможно и разумно, – это обрисовать наиболее значительные вехи в цепи причин, приведших к воспламенению Европы.

Цепь эта проходит через структуру союзов, которые Бисмарк создал после 1871 года. Ирония судьбы: Бисмарк мыслил их как щит, за которым будет мирно расти его детище – Германская империя, на деле же они оказались складом взрывчатых веществ! Хотя философия Бисмарка была увековечена в 1868 году его же словами: «Слабый существует, чтобы быть поглощенным сильным», сам Бисмарк не был кровожаден, и его аппетит вполне удовлетворился тремя блюдами, поданными войной 1870–1871 годов. Нельзя обвинить его и в обжорстве: чувствуя, что Германия была теперь, как он говорил, государством, «насыщенным энергией», он сделал своей руководящей идеей не расширение, а укрепление Германской империи. А чтобы выиграть необходимые для этого укрепления время и спокойствие, он поставил себе целью держать Францию в состоянии постоянной беспомощности, которая не позволила бы ей ради реванша решиться на войну. Однако события показали, что двух ошибочных суждений недостаточно, чтобы сколотить государство.

Помимо частых непосредственных угроз Франции, Бисмарк думал помешать ее назойливо быстрому возрождению косвенной мерой: изоляцией ее от друзей или помощников.

Первая попытка Бисмарка – это стремление сблизить Австрию с Россией, выковыывая одновременно и общее звено с Германией, и обеспечение мира на Балканах, как средство для предотвращения опасного перенапряжения этого звена. В течение нескольких лет его политика была политикой «честного маклера» в дипломатической купле-продаже Европы, не компрометируя его принадлежностью к какой-либо группировке. Однако трения с русским канц-

лером Горчаковым и осложнения, вызванные русско-турецкой войной 1877 года, заставили его заключить в 1879 году оборонительный союз с Австрией, несмотря на возражения старика императора Вильгельма I, который рассматривал это как «предательство» по отношению к России и грозил отречением. Этот союз имел огромные последствия.

Бисмарк временно вернул Германии руководящее положение в Европе благодаря своему мастерскому дипломатическому удару в 1881 году, известному под названием «Союза трех императоров» – когда Россия, Австрия и Германия обязались выступать совместно во всех балканских делах. Хотя союз этот и распался в 1887 году, тем не менее, отношения Германии и России укрепились, а компенсацией явился секретный договор – так называемый «перестраховочный договор», по которому обе державы соглашались в случае войны каждой из них с третьей державой добровольно сохранять нейтралитет по отношению друг к другу.

Однако соглашение это теряло силу в случае нападения Германии на Францию или России на Австрию. Этим вторым мастерским ударом, проведенным с большим искусством, Бисмарк предупредил нависшую тогда над Германией опасность союза России и Франции.

Между тем союз Германии с Австрией был расширен присоединением к нему в 1882 году Италии. Целью союза было предохранение Австрии от удара в спину в случае войны с Россией. С другой стороны, новые союзники Италии должны были оказать ей помощь на случай нападения на нее Франции. Однако из-за старой дружбы с Англией и ради собственной безопасности Италия внесла в соглашение особый пункт, в котором устанавливалось, что договор никоим образом не может быть использован против Англии.

К этому новому тройственному союзу присоединилась в 1883 году Румыния по секретному и личному указу короля. Даже Сербия была временно включена в этот союз отдельным договором с Австрией, а Испания – соглашением с Италией.

Что касается Британии, то, по-видимому, устремления Бисмарка сводились к желанию держать ее в дружеской изоляции от Германии и недружеской – от Франции. Его чувства к Британии колебались между дружелюбием и презрением, а осью для этого служила система политических партий. «Старого еврея» Дизраэли Бисмарк уважал, но не мог понять точки зрения либералов, сторонников Гладстона, он презирал их действия. Дизраэли всецело подпал под влияние Бисмарка и последний забавлялся мыслью, что он на поводу приведет Британию к цепи союзов, а королева Виктория ясно «отдавала себе отчет, что Германия будет во всех отношениях наиболее надежным союзником». Тем не менее королева меньше была уверена в надежности самого Бисмарка как представителя этого политического треста, и Дизраэли разделял с ней эти сомнения. Поэтому Бисмарку ничего более не оставалось делать, как с равным удовлетворением продолжать свою политику науськивания Британии поочередно то на Россию, то на Францию.

С тонким дьявольским расчетом Бисмарк поддержал захват Британией Египта, ибо это вносило разлад между ней и Францией, одновременно противодействуя растущим в Германии требованиям захвата колоний. «Алчность наших колониальных шовинистов, – говорил он, – больше, чем она нам нужна или чем мы можем ее использовать». Действительно, такие устремления угрожали в дальнейшем склокой с Британией, а поддержка Бисмарком Британии в Египте являлась средством извлечения «заморских» концессий – крох, которыми он мог приглушить колониальный голод Германии. Голод же этот был слишком явным, чтобы можно было им пренебречь.

Возврат в Англии консерваторов к власти и увеличивавшиеся трения с Францией привели к новому усилению связей Британии с Германией, в результате чего предложение Бисмарка о союзе с большим удовлетворением было встречено кабинетом лорда Солсбери. По-видимому, последний воздержался от союза только из боязни, что парламент будет возражать против соглашения с иностранными державами. Тем не менее Бисмарк использовал эти первоначальные, хотя и не официальные, хорошие отношения с Британией, чтобы за бесценок

обеспечить уступку Англией Германии Гельгоlanda, столь необходимого следующему поколению германцев для ведения морских операций.

Таким образом к концу 80-х годов грандиозная работа Бисмарка казалась законченной. Германия была подкреплена тройственным союзом, а дружелюбная позиция России и Британии по отношению к Германии приносила ей пользу, не причиняя в то же время излишних хлопот. Опираясь на эту надежную базу, Германия была готова развивать свое экономическое могущество, а Францию Бисмарк связал не только политической опекой, но и совершенной изоляцией.

Однако с началом 90-х годов в этом здании вскоре после отставки его строителя стали появляться первые трещины. Восшествие на престол в 1888 году молодого императора Вильгельма II было неприятно царю Александру III, который не любил его «навязчивую любезность» и не доверял ему. Но брешь в творении Бисмарка образовалась не по вине Александра, а по вине Вильгельма. Контроль Бисмарка надоедал Вильгельму и его Генеральному штабу – а у солдат, среди которых Вильгельм вырос, он так просто и легко нашел союзников, что, связавшись с ними, позабыл, что этим самым кует для себя новые цепи.

Первым результатом после отставки «русофила» канцлера был отказ его преемника возобновить с Россией «секретный договор» 1887 года. Вторым действием (естественным следствием первого) было то, что царь поборол свое отвращение к республиканизму и в 1891 году заключил соглашение с Францией, которое год спустя было развито в военную конвенцию для взаимной поддержки друг друга в случае нападения третьей державы. В этой конвенции был один чрезвычайно серьезный пункт, а именно: если кто-либо из членов тройственного союза мобилизует свои вооруженные силы, то Франция и Россия немедленно мобилизуются. Царь не мог жаловаться, что он не понимает значения этого обязательства, так как французский генерал Буадефр, который вел переговоры с Россией, позаботился объяснить царю, что «мобилизация означает объявление войны».

Царь проглотил эту пилюлю из боязни, что Британия вот-вот заключит союз с Германией, но этой пилюлей испортил себе желудок, так как утекло много воды прежде, чем это сближение предоставило Франции ощутимые дипломатические выгоды.

Тем не менее Франция посредством заключения этого соглашения выходила из «карантина». С тех пор в Европе стали существовать две политических группировки. Хотя одна из них была хрупкой, а другая прочной, обе группировки представляли собой известного рода равновесие сил, при том что фактически их силы еще не были уравновешены.

Интересно пролить свет на отказ Германии от секретного договора с Россией: рассматривавший это дело Совет в Берлине отклонил договор как нелояльный по отношению к Австрии и Британии...

Каковы бы ни были недостатки кайзера, он все же был искреннее Бисмарка; внешняя же неискренность его противоречивых суждений была, по-видимому, обязана сочетанию в нем исключительной прямоты со способностью быстро менять свои решения. Основным различием между этими людьми было то, что один стремился обеспечить стране безопасность путем постоянной нечестности, а второй нарывался на опасности благодаря своей болезненной честности. Заключение, вынесенное Советом в пользу Британии и Австрии, отвечало точке зрения кайзера. Хотя он и изменил бисмаркову политику по отношению к России, он поддерживал дружескую политику Бисмарка по отношению к Британии, стремясь к этому, быть может, ради более искренних и менее политических убеждений.

Личным источником «спайки» была взаимная неприязнь кайзера и его дяди, принца Уэльского, позднее короля Эдуарда VII. И, как ни странно, семья Бисмарка работала как раз над расширением этой бреши в личных отношениях монархов.

Но все это не могло бы привести к спайке наций, если бы здесь не играли роли другие, более серьезные причины. Вернее – значение имела одна и та же причина, но с различными

оттенками. Корни ее лежали в перемене направления германской политики от роста внутреннего к росту внешнему. Рост торговли Германии и ее влияние на рынке в международном масштабе неизбежно привели к столкновению во многих местах интересов Германии и Англии. При искусном, подчас вероломном, руководстве Бисмарка эти столкновения не привели бы к таким трениям, при которых уже летели искры, грозившие пожаром войны. Британские государственные мужи были до крайности толстокожи – поэтому их легко можно было провести. Партия, отдававшая себе наибольший отчет в государственных делах Британии, была, по случайному стечению обстоятельств, наиболее приятной партией для императорской Германии. Но Бисмарк уже не было, и искусства его также не было. Как обычно бывает, последователи великого человека забыли его принципы и помнили только его железную волю.

К счастью, сам кайзер умел очаровывать. Благодаря этому, несмотря на неоднократные трения, ему удалось не только сохранить популярность в Англии, но и крепко забрать в руки нового русского царя, слабого и мягкотелого Николая II. Некоторое время кайзер пользовался выгодами этого влияния, не неся сам никаких обязательств.

Первое обострение взаимоотношений с Британией, набросившее роковую тень и на будущее, возникло из-за Турции. В 1892 году у власти в Англии вновь оказалось либеральное правительство. Как рассказывает Грэй, внезапно из Берлина было прислано нечто вроде ультиматума с требованием прекратить конкуренцию с Германией «в отношении железнодорожных концессий в Турции».

В последующие годы кайзер также не терял случая доказать, что в центре ткавшейся паутины германской внешней торговли сидел злой паук. В 1895 году его вмешательство позволило России лишить Японию ее добычи как результата ее войны с Китаем.²

В 1896 году произошло второе, еще более серьезное обострение отношений с Британией. По иронии судьбы источником этого обострения явилось слишком пламенное восхищение англичан империализмом Бисмарка и подражание ему. Кайзер все более и более раздражался самолюбованием Сесилия Родса. Используемый Родсом метод распространения британского влияния в Южной Африке подрывал его собственные планы. После нескольких глухих жалоб и «милых» поддержки буров в Трансваале, Вильгельм нашел заманчивый предлог для демонстрации во время рейда Джеймсона в Трансваале.³

На Совете 3 января 1896 года кайзер потребовал, чтобы Германия приняла протекторат над Трансваалем и послала туда войска. Когда канцлер Каприви возразил, что «это вызовет войну с Англией», кайзер скромно заметил: «Да, но только на суше». Кайзеру посоветовали менее сильное средство – послать поздравительную телеграмму президенту Крюгеру, составленную в таких выражениях, чтобы не только оскорбить Британию, но и подчеркнуть отрицание ее суверенитета над Трансваалем.

В обеих странах закипели народные страсти. В одном случае это вызвало плохо замаскированную зависть, в другом – обиду, когда в старом друге неожиданно увидели нового соперника. Немцы совершенно естественно досадовали, что Британия, имея уже много колоний, хочет получить их в той части света, где пришедший позже рискует натолкнуться на неприязни. Англичане так привыкли к колонизации, что слепо уверились, будто это дело лишь

² В 1894 году конфликт между Японией и Китаем из-за Кореи повлек за собой войну между ними. Китай был побежден, и на основании мирного договора, заключенного 17 апреля 1896 года в Симонсеки, Япония получила Формозу. Но после совместного вмешательства России и Франции в интересах Китая она должна была отказаться от уступленных ей по тому же договору Ляодунского полуострова и Кореи. (Прим. ред. 1935 года).

³ Требование проживавших в Трансваале англичан об уравнении их в политических правах с гражданами Трансваала было поддержано премьером Калланда Сесилем Родсом, который организовал вооруженное нападение на республику буров, осуществленное в конце декабря 1896 года Джеймсоном. Рейд Джеймсона не удался, буры окружили его вместе с отрядом и взяли в плен. 3 мая 1896 года Вильгельм послал по этому случаю президенту Трансваала Крюгеру телеграмму, поздравляя его с победой. Это вызвало в Англии сильное негодование против Вильгельма. (Прим. ред. 1935 года).

«Джона Буля», и не могли понять, как могут возникать такие же стремления у кого-либо другого, кроме традиционных соперников – Франции и России.

Именно это хладнокровное убеждение, хотя и бессознательно, явилось лекарством при возникшем кризисе. Ему, главным образом, были обязаны спасением положения. Германия приняла ряд мер военного характера. Она предложила Франции и России участвовать в коалиции против Британии. Но отсутствие ответа от этих стран, спокойствие правительства лорда Солсбери и чувство собственного бессилия на море предотвратили на этот раз неминуемую, как казалось, угрозу миру.

Все же опасность, предупрежденную из-за недостатка сил, нельзя было считать миновавшей. Именно с этого момента и начался действительный рост германского морского честолюбия, выразившийся в 1897 году в словах кайзера: «Трезубец должен быть в нашем кулаке», и в действиях императора, поручившего адмиралу Тирпицу создать этот «трезубец». В этот же год увидела свет первая большая морская программа Германии и раздались слова кайзера, лично объявившего себя во время посещения Дамаска⁴ защитником всех магометан во всем мире, что было прямой провокацией по отношению к Британии и Франции. И даже не только для них: открытое признание за собой роли священного покровителя Турции стало фатальным и для его добрых отношений с Россией. Тень кайзера легла на пути устремлений России к Константинополю – цели всех ее мечтаний.

Кайзер проиграл в политике, так как он «видел слишком многое за раз и заставлял другие державы (которых Бисмарк надувал, натравливая друг на друга) видеть повсюду, куда бы они ни смотрели, только одно – бронированный кулак Германии».

Тем не менее, за обидой Британии в Южной Африке в 1898 году последовало предложение Британией именно того союза, которого тщетно добивался Бисмарк. Но теперь настала очередь Германии сомневаться в предложении. С британской стороны это предложение было вызвано новыми и неприятными для англичан чувствами своей изолированности и слабости, а основывалось оно на старом сознании естественного родства с Германией. На деле же это выглядело как признание своей слабости – а слабость не была чувством, вызывавшим симпатии в новой Германии, тем более, что одним из немногих заветов Бисмарка его преемникам была склонность недооценивать мощь Британии и переоценивать возможности России.

В повторных отказах Германии от предложений Чемберлена между 1898 и 1901 годами доминирующим фактором были интриги незаметного, но сварливого, подозрительного и жалкого чиновника министерства иностранных дел по фамилии Гольштейн, который любил темноту, так как она благоприятствовала его действиям в «настоящей политике». На этого чиновника, который скупился на покупку себе нового костюма, хотя не гнушался использованием официальных данных для личных спекуляций и который интриговал за отставку своего учителя, выдавая себя затем за его ученика, теперь с благоговением смотрели как на духовного наследника Бисмарка. Фактически же он унаследовал только безнравственные методы последнего. Помимо всего, он не пользовался тем доверием императора, которым пользовался Бисмарк.

В конечном счете Гольштейн, хотя и был склонен принять предложение Британии, в последний момент отказался от него, испугавшись, что Англия хочет прикрыться Германией и что Германия будет служить для Англии буфером против России. С другой стороны, он понимал, что слабость Британии может быть теперь использована в интересах Германии: можно

---

⁴ Осенью 1898 года Вильгельм совершил поездку в Иерусалим и в Константинополь. Он возложил венок на могилу султана Саладина, современника третьего крестового похода, и на банкете в Дамаске произнес речь, в которой назвал себя другом 300 миллионов мусульман. Поездка имела большое политическое значение для Германии, сблизив ее с Турцией и укротив немецкое влияние на Босфоре. Ближайшим результатом поездки Вильгельма явилось благо приятное для Германии разрешение Турцией вопроса о Багдадской железной дороге, тогда как раньше германский проект этой линии тормозился Англией, экономические интересы которой нарушались этим проектом. (Прим. ред. 1935 года).

заигрывать с Британией, держа ее все время в надежде на более тесный союз и выманивая у нее концессии. В этом по крайней мере его поддерживали канцлер Бюлов и кайзер. Взгляды последнего подытожены в словах, сказанных им Бюлову: «Я теперь сделал с британцами, несмотря на их сопротивление, то, что хотел».

А германский флот, вновь увеличенный в 1900 году, был средством еще жестче наложить свою руку на Англию.

В течение нескольких последующих лет, главным образом в период Южноафриканского кризиса и войны, британское правительство должно было дорого платить не за поддержку Германии, а лишь за то, чтобы германские оскорбления и угрозы не превратились в действия. В вопросе португальских колоний, в вопросе о Самоа и в китайском вопросе правительство лорда Солсбери проявило такую достойную сожаления слабость, что вполне оправдывается оценка, данная этому правительству кайзером: «Круглые дураки!». Грустно читать дипломатические архивы тех лет. По ним легко можно проследить косвенную ответственность за последующий конфликт, так как вполне естественно, что кайзер и его советники убедились в правильности своих методов действий: угрозы «бронированным кулаком». Можно понять желание кайзера довести эту систему до предела, до войны – не только вследствие очевидной нелюбви к этой системе, но и вследствие его тенденции к искусственным решениям. Пользование ограниченной угрозой давало явные преимущества перед войной со всеми ее случайностями, поэтому из двух этих возможностей первая была ближе складу ума кайзера.

Его ответственность за войну имеет свои корни уже в этих годах. И эта ответственность – весьма большая, быть может, даже наиболее тяжелая. Недоверие и тревога, которые вызывались повсюду его воинственными заявлениями и поведением, начинали Европу порохом. Неразумно всю тяжесть вины перекладывать на тех, кто выбил последнюю искру, приведшую к пожару. Столь же неправильно все исследования вопроса корней войны сосредоточивать на том коротком месяце, который предшествовал возникновению пожара.

В противовес лжеисторической пропаганде, которая рисует кайзера жаждавшим войны или даже подготовлявшим войну, маятник истории ныне качнулся слишком сильно в другую сторону. Признание ошибочными хороших намерений кайзера не должно вести нас к недооценке дурных последствий этих намерений. Последствия эти, главным образом, вытекали из того, что кайзер слишком любовался и результатами своих действий и самим собой. Он видел себя одетым «в блестящие латы», когда фактически он был одет в рубище. Он доказал только то, что, сея раздор, можно породить лишь войну.

Оттягивая согласие на предложение Британии, кайзер и Бюлов чувствовали себя в безопасности. Они недооценили влияния обоюдной неловкости от слишком поспешной случайной близости. С чрезмерной уверенностью они говорили, что не может быть действительного союза «между китом и медведем», хотя стремились к этому союзу всем своим поведением. Бросая взгляд в прошлое, надо признать наиболее замечательной чертой этого прошлого то количество пинков, которое потребовалось для того, чтобы отогнать Британию от Германии и бросить ее в неловкие объятия двойственного союза. Нельзя говорить, что для Германии это явилось неожиданностью. Она была ясно предупреждена, так как Чемберлен говорил ей в 1898 году и затем вновь в 1901 году, что

«период блестящей изоляции Англии миновал... мы предпочитали бы примкнуть к Германии и Тройственному союзу. Если же это окажется невозможным, мы будем иметь в виду сближение с Францией и Россией».

Убеждение Германии в неприемлемости для нее союза с Англией оказалось ошибкой. Убеждение это подытожено словами Гольштейна:

«Угроза взаимного соглашения с Россией и Францией является просто английской уловкой... Разумное соглашение с Англией, по моему мнению,

может быть достигнуто лишь тогда, когда чувство принуждения станет там более сильным».

Гольштейн не был дураком: под своим «разумным соглашением» он подразумевал не союз равных, а взаимоотношения господина и вассала. Как бы ни было беспомощно и бес- сильно в своих деяниях британское правительство и каким бы беспомощным оно ни могло казаться человеку, пропитанному философией «крови и железа», – все же этого недостаточно, чтобы объяснить удивительную самонадеянность Гольштейна. Это показывает, что действительные заботы Германии и причины этих забот лежали не в каких-либо достойных Макиавелли дьявольских замыслах. Корни этого надо искать скорее в ослеплении – в таком состоянии, которое правильно выражается словами школьника, уверяющего, что у него «голова пухнет».

Первой попыткой Британии укрепить свои позиции в другом направлении был заключенный ею в 1902 году союз с Японией.⁵ Европейское значение этого союза заключается не в том, что он отвел Британию от Германии, а в том, что он пытался создать новый барьер между Британией и двойственным союзом. Союз этот вырос из оригинального предложения Чемберлена о договоре между Британией, Германией и Японией в тесном содружестве с США. Германия на это не пошла, отстранилась и Япония.

Японский государственный муж, маркиз Ито, предпочитал искать союз с Россией и отошел от этого намерения только потому, что приезд его в Петербург был отсрочен успехом переговоров в Лондоне между бароном Хайаши, японским послом, и лордом Ленсдоуном, британским министром иностранных дел. Но и тогда совет японских государственных деятелей, несмотря на давление Ито, колебался и не хотел согласиться на союз с Британией. Косвенным результатом этого союза явилось ускорение русско-японской войны, исход которой оказался маложелательным и малоприятным для Британии.

Дело в том, что в 1904 году в европейской обстановке произошла трагическая перемена. Всего пять лет назад Франция была так сердита на Британию за Фашоду,⁶ что почти забыла про Эльзас-Лотарингию. Но боязнь Германии оказалась глубже; это позволило государственным деятелям Франции в 1901 году легче пойти на предложение Чемберлена, когда последний осуществил свою угрозу, высказанную им Германии. Первый шаг в переговорах между Ленсдоуном и Полем Камбоном, французским послом, должен был урегулировать трения в наиболее чувствительной области – в вопросе колоний. Наиболее крупным препятствием был Египет – все еще лелеемый объект французского честолюбия. Надо считать безусловным дипломатическим подвигом то, что признание фактического господства Британии в Египте было куплено ценою обмена на признание прав Франции занять, если это ей удастся, Марокко. Соглашение было подписано в апреле 1904 года.⁷

Распространенное убеждение, что честь заключения этого соглашения принадлежит королю Эдуарду VII, является легендой. Тем более неверно весьма популярное в Германии

---

⁵ Обеспокоенные активной политикой и усилением России на Дальнем Востоке, Англия и Япония заключили между собой в 1902 году в Лондоне союзный договор, обеспечивавший целость и неприкосновенность Китая и Кореи. Военная помощь по договору 1902 года предусматривалась только в случае ведения войны или враждебного образа действия против союзника со стороны не одной, а двух держав. (Прим. ред. 1935 года.)

⁶ Одновременно с походом англичан в Судан французская экспедиция под начальством капитана Маршана, пройдя от берегов Конго через всю Африку, достигла Нила и овладела 10 июля 1898 года городом Фашодой. Английский генерал Китченер, в сентябре того же года разбив туземцев, тоже подошел к Фашоде. Англия заявила, что удержание Фашоды Францией будет рассматриваться как «казус белли» и потребовала ее очищения. Франция уступила. Конфликт был разрешен англо-французской конвенцией от 21 марта 1899 года, определившей границы обоих государств в Судане, Сахаре и в долинах Нила и Конго. (Прим. ред. 1935 года.)

⁷ 8 апреля 1904 года между Францией и Англией было заключено соглашение, урегулировавшее спорные вопросы между обоими государствами на всем пространстве земного шара. Главным пунктом соглашения являлось предоставление свободы действий Англии. (Прим. ред. 1935 года.)

мнение о нем как о человеке, ткущем макиавеллевскую паутину вокруг Германии, и о том, что его поездка в Париж создала атмосферу, при которой соглашение стало возможным. На деле вначале ему был оказан холодный прием, но его такт и понимание французов, вместе с чисто республиканской любовью последних к «величествам», рас топили первоначальный лед, а при последующих визитах был найден и общий язык. Поэтому, хотя и неверно, что Эдуард VII создал это новое соглашение, он все же ему косвенно посодействовал.

Но сильнее помог этому кайзер. Глубоко уязвленный, что любовница, авансы которой Германия отвергла, осмелилась отдать свое сердце другому, кайзер усилил свою работу по внесению раздора. Усилия его были направлены к тому, чтобы сломать франко-британское соглашение, а совпавшая по времени русско-японская война явила и удобный для этого случай.

Первый шаг кайзера потерпел неудачу, так как царь, желавший спокойствия, отклонил его совет послать черноморскую эскадру в Дарданеллы, чтобы обезопасить себя со стороны Британии. Но когда Балтийская эскадра, последний морской козырь России, отправилась на Дальний Восток, она в пути получила ложную информацию (русские впоследствии утверждали, что информация эта шла из немецких источников), что японские миноносцы поджигают русскую эскадру в Северном море. Вследствие панической ошибки русские открыли огонь по британским траулерам, и затем ничего не сделали, чтобы загладить свою ошибку. Это едва не привело Россию и Британию к войне.⁸ В течение нескольких дней британская эскадра следовала по пятам за русской. В конце концов напряжение разрядилось получением сообщения царя с выражением сожалений, посланного им против воли партии в России, стоявшей за войну. При этих обстоятельствах царь, обиженный своим унижением, предложил, к восторгу кайзера, коалицию России, Германии и Франции, «чтобы уничтожить высокомерие и наглость Англии и Японии».

Кайзер срочно отправил по телеграфу проект договора между Россией и Германией, но настаивал, чтобы царь не сообщал о нем Франции, мотивируя, что *«как только русско-германский договор станет совершившимся фактом, германские соединенные силы окажут на Францию сильное влияние»* – и добавляя, что *«прекрасным средством охладить британское нахальство было бы произвести несколько военных демонстраций на персидско-афганской границе...»*.

Но царь, подумав, остыл.

Второй шаг Германии был до странности неискусным, и за него кайзер не несет ответственности. Теперь, когда было уже слишком поздно, кайзер попытался пленить Францию, вместо того чтобы угрозами постараться разлучить ее с Британией. Но Бюловым и Гольштейном кайзер был послан в Танжер, чтобы там речью, которая была по притязаниям Франции в Марокко, «бросить ей вызов».⁹ Бюлов продолжал идти по той же дороге, требуя созыва конференции для обсуждения будущего Марокко. Вызов этот был брошен в неудачный для Франции момент. Французская армия тяжело переживала один из ее периодических кризисов.

Россия была скована Японией, а французский премьер-министр Рувье сомневался как в надежности, так и в ценности поддержки Британии. В конечном счете в жертву был принесен

---

⁸ Во время русско-японской войны эскадра адмирала Рожественского, шедшая на Дальний Восток, обстреляла в Северном море вблизи Доггер-банки рыболовные суда гультских рыбаков, приняв их в тумане за миноносцы противника. Инцидент был встречен в Англии с негодованием и едва не привел к войне с Россией. На основании первой конвенции Гаагского заключительного акта 1899 года расследование случая было передано в международную следственную комиссию, имевшую место в Париже в феврале 1905 года. Дело закончилось компенсацией, заплаченной русским правительством Англии через русского посла в Лондоне (65 тыс. фунтов стерлингов). (Прим. ред. 1935 года.)

⁹ Соглашение по вопросу о Марокко вызвало протест в Германии, заявившей о нарушении ее прав, обусловленных договором, заключенным в Мадриде в 1880 году. Вильгельм совершил поездку в Танжер, где 18 марта 1906 года он торжественно заявил о неприкосновенности прав марокканского султана. Положение сделалось грозным. Франция пошла на уступки. Делькассе подал в отставку, а новый министр иностранных дел Рувье начал переговоры с Германией, потребовавшей созыва международной конференции. Конференция в Альхесирасе (16 января – 13 марта 1906 года) установила неприкосновенность Марокко и его суверенитет. (Прим. ред. 1935 года.)

французский министр иностранных дел Делькассе, а Франция согласилась на требования Германии. Бронированный кулак нанес ей новую ссадину – но это лишь теснее спаяло Британию и Францию.

Третьим шагом Германия обязана личной инициативе кайзера. В июле 1905 года на борту царской яхты в Бьорке кайзер внезапно вытащил из кармана проект договора и на своем смешанном «Вилли-Никки» английском языке спросил: «Хотели бы вы подписать это? Это было бы очень милым воспоминанием о нашем „intervue”».

Кайзер рассказывает, что когда Николай ответил: «Да, хочу!», «слезы радости показались на моих глазах, мурашки пробежали по спине...», и он почувствовал, что все его предки, включая grand-пapa и «старого прусского бога», давали ему свое благословение.¹⁰ Эта царственная дипломатия, как бы серьезны ни были ее последствия, имела и обратную – смешную сторону. Одно из писем кайзера к его «любимому Никки» носит восхитительный коммерческий оттенок:

«Теперь, когда программа обновления вашего флота опубликована, я надеюсь, вы не забудете напомнить вашим, чтобы они не оставили в стороне наших крупных фирм в Штеттине, Киле и т. д. Фирмы эти, я уверен, доставят вам великолепные экземпляры линейных боевых судов».

Мелодрамой отмечено его огорченное письмо Бюлову, который угрожал отставкой, так как договор шел вразрез с его личными антифранцузскими настроениями в Марокко:

«В то утро, когда ваша отставка будет мной получена, император перестанет существовать на этом свете. Подумайте о моей бедной жене и детях!».

Но когда царские министры увидели договор, они возразили, что договор этот идет вразрез с союзом с Францией и что достаточно простого намека о нем, чтобы вызвать резкие протесты Франции. Таким образом это произведение искусства спокойно попало в обширную дипломатическую корзину для бумаг.

В оправдание кайзера необходимо сказать, что в это время у него были некоторые причины для личной неприязни к Британии, хотя неприязнь эта родилась, главным образом, вследствие его постоянной привычки приходить к цели посредством угроз. Его импульсивный натиск нашел отпор в Джоне Фишере, только что назначенном морским министром, который все время говорил о «превентивной войне» и откровенно высказывался, что, если Германия не ограничит свое морское развитие, флот ее будет уничтожен по методам Нельсона.

Эти дикие утверждения производили, естественно, большое впечатление в Берлине – но куда меньшее впечатление в Лондоне. Участие короля Эдуарда VII как причины трений было скорее личным, чем политическим. Немножко больше терпимости к «шалостям» племянника, и отношения были бы смягчены. Лорд Ленсдоун сообщает, что «кайзер говорит и пишет о своем брате-короле в выражениях, которые заставляют краснеть».

Эта личная антипатия и взаимные уколы, имевшие небольшое значение для Британии, где король был конституционным правителем и обладал чувством юмора, производили более сильное впечатление на германском побережье Северного моря, где монарх мог решительно влиять на политику и не понимал шуток. Подстрекание кайзера к дальнейшим, вносившим раздор интригам и угрозам находило определенный отголосок и в Англии, где даже новое либераль-

---

¹⁰ 23–24 июля 1905 года состоялось свидание Николая с Вильгельмом в море у острова Бьорке, неподалеку от Кронштадта. Неожиданность свидания и его таинственность возбудили в Европе сильное любопытство, а во Франции и Англии эта встреча вызвала тревогу и недовольство. Без ведома русского министра иностранных дел Ламсдорфа 24 июля Вильгельмом и Николаем был подписан союзный оборонительный договор, по которому в случае нападения в Европе на одну из договаривающихся империй другая должна была ей оказать помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. Договор этот должен был вступить в силу тотчас же по заключении Россией мира с Японией. (Прим. ред. 1935 года.)

ное правительство Кэмпбелла-Беннермана не могло не замечать их – и против своей воли крепче прижималось к Франции.

Правительство отказалось заключить формальный союз Британии с Францией, но все же выразило надежду, что общественное мнение Британии одобрит интервенцию, если Франции будет угрожать опасность. А когда французы логично возразили, что раз методы применения помощи заранее не продуманы, то случайная помощь может оказаться бесполезной, Кэмпбелл-Беннерман одобрил дискуссию и соглашения на этот счет обоих генеральных штабов. Хотя дискуссия эта и не имела никакого значения для принятия решений на случай войны, она должна была сильно повлиять на ведение самой войны. Знаменательно также, что в 1905 году новый германский план войны учитывал появление английской экспедиционной армии в 100 000 человек (т. е. как раз столько, сколько просили французы) и считался с ее действиями на стороне Франции,

Потерпев неудачу с планом втянуть Францию вместе с Россией в группировку против Британии, кайзер вернулся к мысли действовать против Франции в Марокко. Однако он решил, что с чисто военной точки зрения обстановка для этого неблагоприятна, а необходимыми предпосылками для интриг против Франции являются союз с Турцией, «который в самых широких размерах отдает силы магометан в его распоряжение», и надежная обстановка внутри Германии (спокойствие внутри самой страны). Этот яркий пример неуравновешенности мышления кайзера запечатлен в его письме от 31 декабря к Бюлову. Письмо это заканчивается следующими словами:

«Раньше расстреляй социалистов, подави их, сделай их бессильными, если нужно, кровавой баней, а затем – война за границей! Но не раньше, и без поспешности».

Однако ближайшая перемена в обстановке Европы не только не усилила Германии, но даже ее ослабила, уменьшив влияние кайзера в России, проводимое им через царя. Перемена произошла самая невероятная: новое британское правительство сблизилось, казалось, с неприимимым врагом – деспотической Россией. Либеральное правительство, подстрекаемое отчасти своим пацифизмом, отчасти – естественной реакцией на угрозы Германии, продолжало работу, начатую Ленсдоуном, стремясь уничтожить традиционные источники трений с Россией.

В 1907 году удалось соглашением урегулировать спорные вопросы и общие интересы.¹¹ Хотя соглашение это не носило окончательного характера, все же оно облегчало путь к взаимным выступлениям в Европе. Британия не была связана ни с Францией, ни с Россией какими-либо формальными договорами; она связывалась с ними узами лояльности и отныне не могла больше плутовать в дипломатической игре против них, ибо это было бы уже нечестным. Таким образом, возможность ее прежнего независимого влияния в случае кризиса была упущена.

Дилемма эта была понята и правильно оценена секретарем министерства иностранных дел сэром Эдуардом Грэм в меморандуме от 20 февраля 1906 года:

«Я думаю, во всех странах создастся общее впечатление, что мы поступили скверно и покинули Францию в беде. Соединенные Штаты будут презирать нас, Россия не будет считать нужным заключить с нами дружеское

---

¹¹ 18 (31) августа 1907 года в Петербурге было подписано соглашение между Россией и Англией, урегулировавшее опорные вопросы их политики в Центральной Азии. Россия признавала Афганистан вне сферы русского влияния и обязалась сношаться с афганским правительством только при посредстве Англии. В свою очередь Англия отказалась от вмешательства во внутренние дела Афганистана и признала неприкосновенность его территории. Обе державы подтвердили сюзеренные права Китая над Тибетом, обязались не посылать своих представителей в Лхассу и сношаться с Тибетом только через китайское правительство, воздерживаясь от вмешательства во внутренние дела Тибета. В Персии Россия и Англия разграничили сферу своего влияния, установив три зоны: южная зона вошла в область английских интересов, северная – предоставлена России, а третья зона осталась между ними нейтральной. (Прим. ред. 1935 года.)

соглашение по азиатскому вопросу, Япония будет готовиться вступить в союз с кем-либо другим. Мы останемся без друзей и не сможем их иметь, а Германия с радостью использует эту обстановку во вред нам... С другой стороны, перспектива европейской войны и нашего участия в ней ужасна».

С тех пор великие державы, хотя и неофициально, оказались разделенными на две соперничавших группы. В течение нескольких последующих лет Германия, приведшая своей агрессивной грубой политикой к созданию этой любопытно подобранный противоестественной группировки, помогала ее укреплению (а Германии в этом отношении помогала и Австрия). Это напоминало, как из рыхлого снега можно скатать твердый комок, постепенно сжимая его в кулаке. Германии суждено было впоследствии пострадать от творения своих же рук.

Присоединение Британии к новой группировке ослабило старую, сделав Италию мало-надежным партнером. Поэтому Германия была вынуждена крепче держаться за своего второго партнера – Австрию, которой она прежде руководила. Если Германия хотела войны, то создававшиеся группировки были для нее выгодны, но если она желала мира, то сама создала себе помеху в этом.

Новая группировка Европы не давала старого равновесия сил, а являлась скорее барьером между этими силами. Более того, барьер этот был начинен взрывчатыми веществами. Различные страны, подгоняемые теперь скорее страхом, нежели честолюбием, поспешно увеличивали свои вооружения. Неблагоприятным обстоятельством было и то, что опасение внезапного взрыва заставило – по крайней мере, монархические страны – предоставить военным стражам этих вооружений слишком большую самостоятельность ими распоряжаться. Задолго до июля 1914 года страх заслонил разум.

Первая искра была выбита на Балканах в 1908 году. Революцией в Турции воспользовались, с одной стороны, Болгария, чтобы сбросить сюзеренитет Турции, а с другой – Австрия, чтобы аннексировать Боснию и Герцеговину, которыми она управляла с 1879 года.¹² Аннексия эта обсуждалась австрийским и русским министрами иностранных дел – Эренталем и Извольским. Извольский согласился поддержать аннексию при условии, если Австрия взамен поддержит требование России открыть Дарданеллы. Но прежде чем Извольский успел позондировать на этот счет Францию и Британию, Австрия объявила об аннексии. Италия восприняла это как оскорбление, а Сербия – как угрозу. В России эффект этого объявления был усугублен настойчивым требованием германского посла признать действия Австрии правильными; посол угрожал объединенным выступлением Австрии и Германии.

Россия, пойманная врасплох и поставленная перед угрозой объединенной группы, уступила, глубоко затаив злобу. Обида эта усугублялась еще чувством горечи от потери своих позиций на Балканах. Извольский почувствовал, что он не только побит, но и обманут, и вскоре, сложив свои полномочия, отправился посланником в Париж – ярым врагом союза с Германией. Это другой немаловажный личный фактор. Австрия же, упоенная своим первым успехом в подражании германскому методу политики – действию бронированным кулаком, – продолжала и дальше применять этот метод.

Обман Эрентала с Боснией ярко выделяется среди прямых причин, приведших к войне. Конфликт этот лишь усложнил обстановку, потому что в период 1906–1914 годов наблюдалось улучшение официальных отношений Германии по крайней мере с Францией и Британией. Отношения эти были бы еще лучше, если бы не непрерывный, чрезмерный рост герман-

---

¹² 5 октября (22 сентября) 1908 года болгарский князь Фердинанд по предварительному соглашению с Австро-Венгрией, решившей аннексировать Боснию и Герцеговину, провозгласил манифестом независимость Болгарии и принял титул царя. Турция немедленно обратилась с протестом к великим державам по поводу произведенного нарушения Берлинского трактата, но вскоре согласилась получить денежную компенсацию от Болгарии. Россия поддержала Болгарию. 27 апреля 1909 года державы признали независимость Болгарии. 20 августа 1909 года Турция также официально признала независимость Болгарского государства. (Прим. ред. 1935 года.)

ского флота. Теперь легко видеть, что поддержка кайзером антибританских морских амбиций Тирпица вызывалась тогда, главным образом, бахвальством, но тогда это выглядело скорее как постоянная преднамеренная угроза. И даже когда кайзер пытался исправить положение, методы его действий были неудачны. Способ расположить к себе чувства Англии выразился в его знаменитом интервью, опубликованном в 1909 году в «Дейли Телеграф». Он говорил в нем, что британцы «полоумны, как зайцы в марте», не признают его дружбы и что «он сам является исключением в своей стране, в общем недружелюбно расположенной к Англии». Заявление это, не смягчив опасений Британии, вызвало громкий протест в Германии и привело к публичному опровержению Бюлова. Таким образом, это только ослабило возможность кайзера крепко держать в руках германские партии, стоявшие за войну.

Это все привело к тому, что кайзер заменил Бюлова на должности канцлера Бетман-Гольвегом – человеком, жаждавшим мира, но мало способным сохранить его. Он поспешно начал переговоры об англогерманском соглашении и нашел у либерального правительства (полномочия которого были продлены выборами 1910 года) горячий отклик. Однако на пути к практическим результатам этих стремлений встали препятствия: во-первых – оппозиция Тирпица какому бы то ни было соглашению в морских вопросах; во-вторых – просьба Германии так сформулировать соглашение, что исключалась всякая возможность выступления Британии на поддержку Франции. Это было слишком очевидным стратегическим ходом, и сэр Эдуард Грэй дал единственно возможный ответ на это: «Нельзя искать новых друзей за счет отказа от старых».

Тем не менее атмосфера несколько разрядилась. Как говорят документы, германская пресса и кайзер все еще страдали англофобией. Англофобия эта была обязана главным образом чувству разрушенных надежд и широко пропагандируемой мысли, что король Эдуард VII задумал широкий враждебный охват Германии. Едва ли не самым ярким подтверждением этой мысли было мнение, что посещение в 1908 году британским королем австрийского императора Франца-Иосифа было шагом к тому, что бы отторгнуть Австрию от Германии. Теперь из австрийских архивов нам известно, что король фактически просил помощи Франца-Иосифа, чтобы сгладить трения между Британией и Германией, и расценивал германо-австрийский союз как естественную связь. Все же переговоры помогли установлению несколько лучших отношений между британским и германским министерствами иностранных дел и привели их к обоюдному урегулированию различных спорных вопросов. Взаимоотношениям помогла также договоренность Франции и Германии относительно Марокко.¹³

Характерно, что вслед за этим, правда небольшим, урегулированием международной обстановки возник новый кризис.

Кризис этот, как ни странно, был вызван миролюбиво настроенным министром иностранных дел Кидерлен-Вехтер, против которого выступил кайзер, – новое проявление нерасчетливой двойственности, опасной характерной черты политики Германии. В июне 1911 года Кидерлен-Вехтер отправил канонерскую лодку в Агадир с целью подтолкнуть Францию к уступке Германии концессий в Африке. В ответ на это Ллойд-Джордж, ранее противник бурской войны и вождь пацифистов в британском кабинете, выступил публично с речью, в которой предостерегал Германию об опасности подобной угрозы миру. Эффект этой речи вместе с решительным подчеркиванием готовности поддержать Францию потушил искру, которая вот-вот могла привести к мировому пожару.

Чувство обиды сильнее, чем когда-либо подогрело общественное мнение Германии, и страна с энтузиазмом приветствовала новое увеличение германского флота. Однако после-

¹³ На основании заключенного между Францией и Германией договора от 4 ноября 1911 года Германия признала за Францией свободу действий в Марокко, получив от Франции часть территории во французском Конго. Франция 30 марта 1912 года установила свой протекторат над Марокко. (Прим. ред. 1935 года.)

довавшая вскоре договоренность относительно Марокко отменяла серьезный источник трений между Францией и Германией. Это косвенно помогло созданию лучшей официальной атмосферы, в результате которой в 1912 году в Германии смогла работать миссия Хальдана. Но и Хальдан должен был сознаться, что его «духовная родина» стала «пороховым складом» – хотя он поделился своими опасениями только с товарищами по кабинету.

Все же рост партии войны в Германии сопровождался сплочением и тех элементов, которые стояли за мир, причем больше всего их было среди социалистов. Миролюбие германского канцлера оставляло открытой дорогу для дальнейших переговоров и соглашений.

В это самое время на Балканах вновь запахло порохом. Бессилие Турции и пример Италии, занявшей Триполи, подтолкнули Болгарию, Сербию и Грецию выступить с требованием автономии для Македонии как средства изгнать Турцию из Европы. Турки быстро потерпели поражение.¹⁴

Долей Сербии в добыче была Северная Албания. Но Австрия, уже ранее опасавшаяся амбиций сербов, не хотела позволить славянскому государству получить доступ к Адриатике. Она мобилизовала свои войска, и угроза ее Сербии, естественно, вызвала в ответ подобную же подготовку в России. К счастью, Германия стала на стороне Британии и Франции, чем предупредила опасность.

Однако договоренность этих держав явилась причиной нового кризиса. Возникновением Албании в качестве независимого государства было нарушено равновесие при распределении добычи. Сербия требовала теперь части Македонии. Болгария отказывалась не только на словах, но и под ударами, позволить объединенным силам Сербии и Греции победить ее. Между тем Румыния была втянута в борьбу, а Турция отошла в сторону, чтобы под прикрытием столбов пыли, поднятых «собачьей грызней», вернуть себе потерянную собственность.

В результате всего этого больше всех выиграла Сербия и больше всех потеряла Болгария. Это совсем не было по вкусу Австрии, и она предложила летом 1913 года немедленно напасть на Сербию. Но Германия удержала Австрию, посоветовав большую умеренность, сама же необдуманно дала повод к новой обиде России, распространив германский контроль над турецкой армией. Россия увидела, как вянут ее мечты о Дарданеллах, а русские министры пришли к заключению, что мечты эти получают шанс на осуществление лишь в том случае, если вспыхнет всеобщая европейская война – очень опасный образ мыслей! Ближайшей целью русских было восстановление поколебленного влияния России на Балканах, и они пытались склонить на свою сторону Румынию, что являлось первым шагом к образованию нового Балканского союза. Намерение это вызвало новую тревогу в Австрии, хотя вскоре ее внимание было отвлечено неизменными трениями среди ее разнородных подданных.

Для подавления недовольства хорватов и сербов внутри страны и в аннексированных провинциях, а также румынских подданных в Трансильвании Австрия применила грубую силу. Это же средство она пыталась применить и к внешнему государству – Сербии, которая представляла собой естественный сборный пункт всех угнетенных, бежавших из Австрии. Лидеры Австрии понимали, что война явится лучшим средством затушить разногласия внутри страны. В этом понимании они не были одиноки. Народные волнения в России, только частично подав-

---

¹⁴ Пользуясь затрудненным положением Турции, еще не закончившей войну с Италией, балканские государства (Черногория, Болгария, Сербия и Греция) объявили ей войну в октябре 1912 года. Быстро последовали успешные для союзников сражения, и Турция потеряла большую часть своих европейских владений. Туркофильская Германия и Австрия были явно недовольны успехами союзников. Австрия открыто протестовала против выхода Сербии к морю. По миру, заключенному в Лондоне 30 мая 1913 года, Турция отдала союзникам территорию к западу от линии Энос—Мидия. Кроме того, за счет турецких владений возникло самостоятельное государство – Албания. При разделе завоеванной территории союзники поссорились с Болгарией, предъявившей большие притязания, в результате чего возникла новая война, в которой к союзникам присоединилась и Румыния. Турция взяла обратно отнятый у нее Адрианополь. Болгария была побеждена, и мир между нею и союзниками был заключен в Бухаресте 28 июля (10 августа) 1913 года. Турция подписала мирный договор с Болгарией в сентябре 1913 года, с Грецией – в ноябре 1913 года, а с Сербией – в марте 1914 года. (Прим. ред. 1935 года.)

ленные применением нагаек и ссылки, а также агитация в Германии за всеобщее избирательное право заставляли воинствующие партии обеих стран смотреть на войну как на спасительное средство.

В течение последнего года возбуждение нарастало со всех сторон: воинственные речи, статьи, слухи, пограничные инциденты. Доверенное лицо президента Вильсона, полковник Хауз, уехал из Берлина с твердым убеждением, что военная партия решится на войну при первой же возможности и заставит кайзера отречься от престола, если он будет противиться желанию этой партии. Возбуждение сторонников войны, безусловно, было усилено законом о трехгодичной службе, который был проведен во французской армии как средство против недостаточности людских запасов Франции; стимулом к этому явилось недавнее расширение германской армии.

Все же германский посол во Франции донес Бетман-Гольвегу, что

«несмотря на шовинистическое поведение многих кругов и общую мечту вернуть потерянные провинции, французская нация в целом может быть охарактеризована как нация, желающая мира».

Что касается настроений Пуанкаре, то самое большее, что можно было о них сказать, выразил он сам словами: «Франция не хочет войны, но и не боится ее».

Тем не менее в другом месте часть Европы была уже посыпана порохом, и роковая неизбежность войны была близка.

Фатальная искра была выбита 28 июня 1914 года в Сараеве, столице Боснии. Первая жертва была отмечена иронией судьбы. Пылкие славянские националисты, стремясь подвинуть свое дело убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника Франца-Иосифа, вычеркнули из списка живых единственного влиятельного человека в Австрии, который был их другом. Франц-Фердинанд лелеял мечту о такой реконструкции государства, при которой различные национальности были бы связаны не мертвым узлом власти сверху, а федерацией.¹⁵ Но для большинства славян Боснии он являлся только символом насилия, а для крайних националистов, замышлявших его убийство, было еще больше причин его ненавидеть. Ведь мечта Франца-Фердинанда о внесении спокойствия внутри страны путем создания федерации должна была разрушить их мечту – оторваться от Австрии, примкнуть к Сербии и образовать расширенное юго-славянское государство.

Кучка юных заговорщиков искала и получила помощь от сербского тайного общества, известного под названием «Черная рука». Общество это состояло главным образом из армейских офицеров, образовавших группу, враждебно настроенную к гражданскому правительству Сербии. Слухи о заговоре как будто дошли до ушей министров, и на границу были посланы приказы перехватить заговорщиков. Но так как «охранители» – пограничная стража – также были членами «Черной руки», то меры предосторожности, естественно, не были приняты. Кажется, хотя наверняка утверждать нельзя, смутное предостережение было послано и в Вену. В чем не может быть уже никакого сомнения – это в поражающей беспечности австрийских властей при охране эрцгерцога и циничном равнодушии к несчастью с этим крайне непопулярным наследником престола. Поттиорек, военный губернатор Боснии и будущий руководитель наступления против Сербии, даже если бы он был заговорщиком, не мог сделать большего для облегчения задачи убийцам. Поэтому трудно отказаться от подозрения, что он и был им.

---

¹⁵ В данном случае автор не совсем верно расставляет акценты. Франц-Фердинанд действительно был сторонником превращения империи Габсбургов в триединую монархию – но уравнивать в правах с австрийцами и венграми предполагалось лишь хорватов, то есть католиков, а не православных сербов и не боснийцев-мусульман. Это, безусловно, укрепляло позиции империи на Балканах – а заодно и усиливало роль Вены по сравнению с Будапештом, поскольку Хорватия относилась к землям Венгерской короны (Транслейтания). Именно поэтому к планам эрцгерцога отрицательно отнеслись и Белград, и Будапешт, и сторонники объединения югославянских народов. На этом фоне неудивительно появление и широкое распространение приведенной ниже версии о том, что беспечность охраны эрцгерцога была вполне умышленной. (*Прим. ред.*)

Первая попытка покушения во время проезда эрцгерцога к городской ратуше сорвалась. Поттиорек так неловко организовал возвращение, что автомобилю эрцгерцога пришлось останавливаться... Раздались два выстрела, смертельно ранившие эрцгерцога и его морганатическую супругу, презираемую двором. Эрцгерцог умер в 11 часов утра.

Весть о преступлении вызвала ужас и возмущение во всех странах – за исключением Австрии и Сербии. Сербская пресса с трудом скрывала свою радость, еще меньше ее скрывала сербская общественность. Сербское правительство, измученное балканской войной и всей душой стремившееся к миру, чтобы закрепить за собой добычу этой войны, было вынуждено подать в отставку за одно только предложение произвести расследование убийства. Последствия необдуманной смены министерства в такое тяжелое время были роковыми.

Расследование, производившееся австрийской полицией, также велось спустя рукава. Через 24 часа Визнер, командированный Австрией для руководства следствием, донес, что хотя сербское общество и чиновники замешаны в этом деле, *«нет доказательств участия в преступлении сербского правительства... Напротив, есть основание полагать, что оно стоит совершенно в стороне от этого покушения...»*.

Решение Австрии было быстрым, хотя долго избегали всякого внешнего проявления этого решения. Граф Берхтольд, министр иностранных дел, придавший оттенок элегантности жульническим замашкам, унаследованным от Эренталя, грациозно и с благодарностью схватился за возможность вернуть империи и себе потерянный престиж. Через день после убийства он объявил, что настало время раз и навсегда рассчитаться с Сербией за все – слова, которые Конраду фон Гетцендорфу¹⁶ показались отголоском его собственных перманентных порывов к войне. Но Берхтольд встретил неожиданное препятствие в лице графа Тиссы, серьезно возражавшего против такого поворота дела, скорее с точки зрения целесообразности такого шага, чем с точки зрения его порядочности: «Вряд ли могут возникнуть затруднения при подыскании подходящего „казуса белли“, когда бы это ни потребовалось»! Конрад также разумно подходил к вопросу и заметил Берхтольду: «Мы должны прежде всего спросить Германию, захочет ли она поддержать нас при этом выступлении против России».

Берхтольду также не хотелось нарываться на отказ Германии – тем более что ему был памятен полученный им от нее два года тому назад отпор, сильно подорвавший его престиж. Поэтому престарелого императора заставили подписать меморандум, сопровождаемый личным письмом на имя кайзера.

Но кайзеру не надо было апеллировать. Когда германский посол Чирский послал донесение о своей беседе с Берхтольдом 30 июня, сообщая, что он предостерег последнего от слишком поспешных шагов, кайзер нацарапал на полях донесения:

«Кто уполномочил его на это? Идиот! Это не его дело... Пусть Чирский соблаговолит прекратить эту бессмыслицу. Мы должны смести сербов с пути и сделать это немедленно».

Бедный Чирский! Хотя он сам был настроен более решительно, он не мог угнаться за «кувырканием» своего хозяина, к тому же он хорошо помнил высказанные два года тому назад слова хозяина, требовавшего от него большей сдержанности. Теперь, подыгрывая кайзеру, вопреки своим убеждениям, он думал выполнить желание государя. Каково же было его изумление, когда он убедился, что кайзер наигрывает уже в новую дудку. Как объяснить это? По всей вероятности, опасениями кайзера, что его вновь упрекнут в слабости, или характерным для него возмущением, что пролита царственная кровь, а, может быть, и более почетным доводом – его дружбой с убитым.

---

¹⁶ Начальник австрийского Генерального штаба. (Прим. ред.)

Как бы то ни было, 5 июля кайзер заверял графа Гойоса, австрийского хранителя печати, что Австрия может положиться на полную поддержку Германии. *«По мнению кайзера, медлить нечего... Если дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, Австрия может быть спокойна, что Германия станет на ее сторону»*. Он добавил, что Россия «никоим образом не готова к войне», Германия же к ней готова была – в этом кайзер не сомневался.

В ряде спешных совещаний с военными и морскими советниками кайзером были приняты различные меры предосторожности. Между тем кайзер отбыл, как это было раньше предусмотрено, в поездку в Норвегию. Несколько дней спустя, 17 июля, Вальдерзее, старший помощник начальника Генерального штаба, донес министру иностранных дел: «Я остаюсь здесь, готовый ко всему. Мы все подготовлены».

Этот чек на предъявителя, инкассированный канцлером и выданный с полным учетом возможных последствий, резко выделяется среди прямых причин, приведших к войне. Австрия поспешила превратить этот чек в деньги, а Чирский был рад чрезмерным рвением загладить допущенную им ошибку.

В отличие от более поздних случаев решение германского Генерального штаба было принято на этот раз в спокойной, если и не в холодной, обстановке, что придает самому решению особенное значение, подчеркивая волю Германии к войне. Знаменательны также заботы, предпринятые Германией и Австрией, чтобы усыпить подозрения в неминуемом выступлении. Конрад сказал на этот счет: «Надо симулировать мирное намерение».

Не давая Австрии совета держаться в рамках разумной умеренности, германское правительство позаботилось, однако, о том, чтобы на случай войны была обеспечена поддержка Италии, Болгарии, Румынии и Турции.

Италии нельзя было позволить угадать задуманное, но Австрии было предложено подумать над наградой Италии как платой за ее помощь в случае войны.

После обеспечения Германии от удара в спину, ближайшей задачей Берхтольда явилось протелеграфировать Австрии такой текст ультиматума Сербии, который наверняка был бы неприемлем для последней. Составление ультиматума отняло некоторое время на раздумье, и 10 июля Берхтольд сознался Чирскому, что все еще думает над тем, «какое требование включить в ультиматум, чтобы для Сербии совершенно невозможно было его принять». Диссонансом во всем этом звучал только голос Тиссы, но ему сказали, что «один дипломатический успех не будет иметь никакой цены». Тисса сначала отказывался поддержать выступление Австрии, но затем резко переменял фронт, когда Берхтольд предупредил его о «военных затруднениях, которые вызовет промедление» и подчеркнул, что «Германия не поймет, как мы могли упустить возможность использовать этот случай для нанесения удара» Сербии. «Австрия может потерять дружеское расположение к ней Германии, если она проявит здесь слабость».

Наконец текст ультиматума набросан. Прочтя его, старик-император говорит: «Россия не согласится на это. Это означает всеобщую войну...» Отсылка ультиматума задерживается, пока не проведены различные меры, подготавливающие войну, и пока Пуанкаре, посещавший в это время царя, не отплыл из Петербурга. Русского посла в Вене заверяют в мирных намерениях Австрии, и он уезжает в отпуск. Но германским пароходным линиям послано извещение о сроке, когда будет отослана австрийская нота, с предупреждением, что они должны быть готовы к быстрому «развертыванию».

Ультиматум предъявляется сербскому правительству в 6 часов вечера 23 июля – в день, когда сербский премьер-министр отсутствует. Ультиматум требует не только прекращения всякой пропаганды против Австрии, но и признания права Австрии сменять по своему усмотрению любого сербского чиновника и назначать взамен этого в Сербии своих чиновников. Это – прямое насилие над Сербией как независимой страной. На ответ дано только 48 часов.

На следующий день германское правительство передает в Петербурге, Париже и Лондоне ноты, в которых устанавливает, что требования Австрии «умеренны и правильны». Герман-

ское правительство не могло еще видеть ультиматума, когда оно легко мысленно это писало, добавив притом угрозу, что «любое вмешательство... повлечет за собой неисчислимые последствия». В Лондоне нота вызвала изумление, в России – ярое негодование.

За две минуты до истечения срока ультиматума ответ Сербии был передан австрийскому посланнику. Не теряя даже времени на прочтение этого ответа, посол порвал дипломатические отношения и в соответствии с полученными инструкциями специальным поездом выехал из Белграда. Три часа спустя был отдан приказ о частичной мобилизации Австрии против Сербии. Одновременно подготовительные меры к мобилизации были приняты в Германии и России.

Несмотря на все это, сербская нота фактически согласилась на все требования Австрии, за исключением двух, которые определенно нарушали ее самостоятельность. Когда кайзер 18 июля своего возвращения прочел ноту, он написал на ней следующее замечание:

«Блестящие достижения для столь короткого промежутка времени – 48 часов... Большая моральная победа Вены, но вместе с этим отпадает и всякий предлог для объявления войны».

А относительно частичной мобилизации Австрии он добавил:

«По правде говоря, я бы никогда не отдал приказа о мобилизации».

Еще раз восторжествовала политика «бронированного кулака», и кайзер, показав сомневающимся, что он сильный человек, захотел почить на лаврах. Самолюбие его удовлетворено. Царственная честь сохранена. Но он необдуманно намекает, что Австрия, пожалуй, могла бы, пока требования ее не будут выполнены, в виде гарантии оккупировать часть Сербии. Безусловно, Россия этого никогда не позволила бы – и кайзер должен был бы это знать.

Бетман-Гольвег соглашается с мнением кайзера, и утром 28 июля совет этот пересылается в Вену с добавлением, что

«если Австрия будет продолжать отвечать отказом на все предложения посредничества или арбитража, одиозность ответственности за мировую войну в глазах германского народа падет на германское правительство».

Но перемена тона, к сожалению, запоздала. Германия сама отвергла такие предложения в наиболее благоприятный период. Когда 24 июля была опубликована нота Германии, Россия сейчас же получила заверение Франции в поддержке, а сторонники Грэя настаивали на том, чтобы объявить и о солидарности Британии с Россией и Францией.

Но ответственность Грэя перед парламентом и иная точка зрения на этот счет кабинета вместе с невыясненностью настроений общественного мнения помешали такому заявлению Британии. Кроме того, Грэй опасался, что подобное выступление сможет усилить позицию сторонников войны в России и Германии. Он попытался вместо этого найти путь к соглашению. Первым его шагом было обращение к Берлину 24 июля с просьбой поддержать направляемое к Австрии требование о продлении срока австрийского ультиматума. В Берлине просьба эта не встретила отклика: она с запозданием была передана в Вену, куда и поступила за два часа до истечения срока ультиматума, причем сразу же была отвергнута австрийским правительством. 25 и 26 июля Грэй сделал еще одно предложение о совместном посредничестве Германии, Британии, Франции и Италии, причем на время разбора конфликта Австрия, Россия и Сербия должны были воздержаться от военных операций.

Рим и Париж сразу на это согласились. Сазонов в Петербурге, первый поднявший вопрос об этом предложении, теперь в принципе согласился, но вначале предпочел вести переговоры непосредственно с Веной. Берлин – отказался. Кайзер нацарапал на докладе, который ему передали, свойственные ему замечания, подливая масло в огонь:

«Изумительный документ британской наглости. Я не обязан предписывать его величеству императору [Австрии], как ему *a la* Грэй сохранить свою честь».

Очевидно, на такое отношение Германии повлиял расчет, что действия Британии позволяют предполагать в случае войны ее нейтральность. Но в газетах от 27 июля британское правительство опубликовало сообщение, что эскадра, сосредоточенная для маневров, получила приказ оставаться сосредоточенной.

Этот прорыв в расчетах Германии, совпавший с миролюбивым ответом Сербии, повлиял на перемену официального языка в Берлине, где накануне Генеральный штаб уже переслал министерству иностранных дел составленный им ультиматум для предъявления его Бельгии.

В итоге вечером 27 июля германское правительство решило передать Вене предложение Грэя. Обращение Грэя послали с добавлением, что это предложение требует, чтобы Австрия «до некоторой степени разделила наши надежды» на благоприятный исход конфликта. Но, повидав германского министра иностранных дел, австрийский посол протелеграфировал в Вену:

«Германское правительство твердо заверяет, что оно ни в коей мере не солидаризируется с предложением Грэя; напротив, оно решительно отказывается от его рассмотрения и передает его лишь для того, чтобы удовлетворять Англию... Германское правительство поступает так, придерживаясь той точки зрения, что чрезвычайно важно, чтобы Англии в данный момент не стала на сторону России и Франции».

28 июля, после того как кайзер увидел ответ Сербии, произошло, как мы говорили, некоторое снижение тона. Но предостерегающее письмо Бетман-Гольвега – вообще первое его предостережение – пришло в этот день в Вену слишком поздно и было слишком нерешительно.

В 11 часов утра 28 июля Сербии было передано по телеграфу объявление войны Австрией. В тот же день Берхтольд отклонил предложение Сазонова о прямых переговорах, выставив доводом факт уже объявленной войны.

Горькая ирония лежит в основе как причин, так и методов поспешного решения Австрии. С военной точки зрения все говорило за оттягивание объявления войны, так как армия не могла быть готова к выступлению ранее 12 августа. Но сообщения Германии побуждали Австрию торопиться; Берхтольд и Конрад боялись в случае промедления потерять поддержку Германии и вообще возможность объявить войну. Берхтольд цинично подытожил сложившуюся обстановку в докладе императору 27 июля:

«Я полагаю, что новая попытка держав Антанты добиться мирного разрешения конфликта возможна лишь до того времени, пока объявлением войны не будет создана иная обстановка».

И чтобы получить подпись императора на акте об объявлении войны, он приглушил все его сомнения, включив в акт в качестве оправдания, что Сербия первая напала на австрийские войска. Достигнув желаемой цели и получив подпись императора, он просто-напросто вычеркнул фразу, относящуюся к воображаемому нападению сербов.

Теперь уже в пропасть летели, очертя голову, на всех парах, влекомые «военной необходимостью»...

Генеральные штабы Европы, строя свою громадную и громоздкую машину, позабыли об основном и первом принципе военного искусства – гибкости, эластичности. Как при мобилизации, так и во время операций армии материка были почти неуправляемы. События вскоре показали, что армии эти могли быть сдвинуты с места, но не могли действительно быть управляемы во время выполняемых ими действий. Этот недостаток – угроза для мира – являлся

характерным отличием тогдашних армий от современных массовых армий или небольших профессиональных армий прошлых времен.

Единственной мыслью генералов в эти критические дни было желание пустить их машины в ход. Стремление к войне и боязнь быть поставленным в неловкое положение взаимно влияли друг на друга.

В Германии, в России и даже в Австрии все стремления государственных деятелей мирно разрешить конфликт разбивались о противодействие генералов, стоявших за войну и предсказывавших всевозможные ужасы в случае пренебрежения их техническими советами. В Австрии генералы могли даже разделить вместе с Берхтольдом тяжелую ответственность и славу быть инициаторами войны.

На второе место вышли русские генералы. Россия тоже была страной военных посредственностей. Там известие об объявлении войны Австрией вызвало решительную перемену. До тех пор Сазонов держал генералов в руках, теперь и он начинает поддаваться неизбежному, соглашаясь на проведение частичной мобилизации войск только на австрийском фронте. Генеральный штаб возражает, что «по техническим причинам» это невозможно, и настаивает, что лишь объявлением общей мобилизации можно избежать ломки всей военной машины России.

Не желая сдаться на эти доводы, но и не пытаясь разбить их, Сазонов идет на компромисс. На подпись царю подготовлены два указа: один – для частичной, а другой – для общей мобилизации. Выбор предоставляется царю – министры ни на чем определенном не остановились.

Генеральный штаб решительно стоит за второй указ.

Наутро начальнику мобилизационного отдела штаба вручают приказ об общей мобилизации, уже подписанный царем, и начинается обход министров для получения их подписей, чтобы приказ мог вступить в силу. Одного из министров не удается найти до вечера. За это время германский посол около 6 часов вечера посещает Сазонова и передает ему ноту Бетман-Гольвега, в которой написано: «Если Россия продолжит подготовку к мобилизации, то Германия объявит мобилизацию, а мобилизация означает войну». Нота передана с заверениями, что это «не угроза, а дружеский совет». Сазонову нота кажется скорее угрозой, запрещающей, видимо, и частичную мобилизацию против Австрии. Противодействие Сазонова пылкому русскому Генеральному штабу слабеет. После совещания с начальником генерального штаба Янушкевичем он соглашается на общую мобилизацию и получает на это одобрение царя.

Перейдем теперь к Берлину.

Там чувствовалось то же нервное напряжение, и фактически происходила та же борьба волей. Кайзер и его политические советники были серьезно встревожены тем, что поступок Австрии представит виноватой стороной и Германию, а это будет стоить ей поддержки Италии, одновременно восстанавливая против нее и Британию. Поэтому требование генерального штаба о немедленной мобилизации отклоняется, и поздно вечером Бетман-Гольвег видится с британским послом.

Бетман-Гольвег пытается торговаться – купить британский нейтралитет, предлагая взамен согласие Германии не аннексировать каких-либо провинций Франции, «но он не может дать подобного же заверения относительно французских колоний». Посол говорит ему, что вряд ли Англия пойдет на такое предложение. В этом он оказался пророком. Предостережение Лихновского из Лондона, что британское общественное мнение крепнет, приводит кайзера к пароксизму бессильной ярости. Он царапает оскорбительные эпитеты об «английском фарисействе», называя Грэя «чистым плутом» – что звучит несколько странно, если вспомнить предыдущее предложение Бетман-Гольвега и то, что кайзер обзывает англичан «сворой мелких торгашей». Донесение Лихновского о новом предложении Грэем посредничества, наконец, вынуждает Бетман-Гольвега послать длинную телеграмму в Вену с увещеваниями Австрии не упорствовать и не отвечать на все отказом, иначе Австрия втянет Германию в невыгодную войну. Со своей стороны кайзер телеграфирует царю, сообщая, что он старается склонить

Вену согласиться «действовать открыто, чтобы была возможность прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению»... Телеграмма эта скрещивается с подобной же соглашательской телеграммой царя. На нее отвечают второй телеграммой с предложением: «Было бы правильно австро-сербский вопрос передать Гаагской конференции... Доверяюсь твоей мудрости и дружбе». То обстоятельство, что кайзер пометил на полях телеграммы царя: «Вздор!», вызывает сомнение в искренности ответа кайзера. Но кайзер посылает и вторую телеграмму с призывом прекратить военные приготовления, *«которые... ускорили бы катастрофу...»*. Эта телеграмма производит на царя сильное впечатление.

Около 10 часов утра царь звонит начальнику штаба и, несмотря на отчаянные протесты Янушкевича и заявления, что приказ уже отдан, предлагает ему его задержать, заменив приказом о частичной мобилизации.

Но Генеральный штаб, хотя и потерпел поражение, не был разбит. На следующее утро, чтобы вернуть свои позиции, штаб выставил новые тяжеловесные аргументы. Во-первых, делаются попытки приблизиться к царю, но царь, стараясь избежать давления, отказывается принять военного министра. Тогда Янушкевич добивается свидания с Сазоновым и убеждает его, что дальнейшее промедление с общей мобилизацией сломает организацию армии и отразится на безопасности России. Затем он утверждает, что частичная мобилизация создаст во Франции впечатление, что, когда грянет война, Россия не будет в состоянии помочь ей выдержать натиск Германии. Наконец, Сазонов, уже убедившийся в неизбежности войны, соглашается посетить царя этим же вечером. Царь, бледный и озабоченный, поддается успокаивающим заверениям Сазонова, что во всяком случае совесть его будет чиста, и соглашается на опубликование приказа об общей мобилизации. Сазонов, передавая Янушкевичу приказ по телефону, советует ему «исчезнуть на остаток дня» с целью предупредить возможные колебания царя.

Сазонов вначале пытается сохранить общую мобилизацию в секрете, не объявляя о ней ничего, но наталкивается при этом на технические трудности, и указ обнародуется утром следующего дня – 31 июля. В тот же день, но на несколько часов позже, отдается австрийский приказ об общей мобилизации. С этого момента «государственные мужи» еще продолжали посылать телеграммы (которые являлись уже ненужной порчей бумаги), но всем уже всецело завладела военная машина.

Именно 30 июля дело обстоит так не только в России. В 2 часа дня Мольтке, начальник германского Генерального штаба, послал сообщение австрийскому Генеральному штабу через австрийского военного атташе, указывая, что подготовительные меры России к войне

«выльются в *casus foederis* для Германии. Отклоните новые шаги Великобритании в интересах мира. Европейская война является последним шансом спасти Австро-Венгрию. Германия готова оказать Австрии неограниченную поддержку».

Затем он послал телеграмму непосредственно Конраду следующего содержания:

«Немедленно мобилируйтесь против России. Германия будет мобилизоваться. Убедите Италию исполнить свой долг союзника, предложив компенсацию».

Так Мольтке нейтрализовал малоубедительную телеграмму Бетман-Гольвега. Военные и гражданские руководители Австрии не нуждались в понукании. Им достаточно было уверенности в поддержке Германии. Они не намеревались пойти ни на какие предложения о посредничестве, если это грозило отказом Германии в поддержке Австрии. А «Германия» означало теперь – Генеральный штаб!

Как только до Берлина дошло известие о русском приказе, тотчас было объявлено «положение угрожающей военной опасности», которое являлось первым шагом на пути к мобилизации – искусный и простой военный трюк, чтобы «быть первым», не раскрывая своих карт.

В то же время были посланы ультиматумы в Петербург и Париж. Ультиматум России требовал, чтобы она «приостановила военные приготовления, угрожающие Австрии и Германии, не позднее истечения двенадцати часов» и «определенным образом заверила нас в этом». Сазонов в ответ сказал, что технически невозможно остановить мобилизацию – но, пока переговоры продолжаются, Россия не собирается нападать. Царь подкрепил это заверение следующей телеграммой кайзеру:

«Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти военные приготовления не означают войны и что мы будем продолжать переговоры».

Но германское правительство, не ожидая ответа на свой ультиматум, отправило своему посланнику в Петербург официальный текст объявления войны России. Посланник передал это объявление русскому правительству вечером 1 августа немедленно по истечении срока ультиматума. Почти сейчас же началась германская мобилизация.

И вдруг случайное донесение генерала фон Хелиуса из Петербурга: «Народ мобилизовался здесь из страха перед грядущими событиями без всяких агрессивных намерений, и теперь испуган результатом своих действий». Кайзер сделал пометку на телеграмме: «Правильно!».

Но если кайзер теперь был тоже испуган и склонен на уступки, он не мог больше остановить своей военной машины, даже если бы он и хотел этого. Мольтке настойчиво держался той точки зрения, что «необычайно благоприятную обстановку надо использовать для удара», указывая, что «военное положение Франции более чем затруднительно», что «Россия, безусловно, не уверена в победе» и что «время года благоприятствует завязке кампании».

«Скоропалительность» суждений русского Генерального штаба может быть по крайней мере объяснена «нервами» – но едва ли то же оправдание может быть применено по отношению к Мольтке.

Если искать в это время главных персональных виновников завязавшейся войны, то ответственность, безусловно, должна пасть на трех человек: Берхтольда, Конрада и Мольтку. Но Мольтке в сущности представлял собою акционерное общество – германский Большой Генеральный штаб.

Но если действия этих людей и были обдуманы и преднамерены, то все же в основе их действий лежал страх, а не просто военный задор: страх в австро-венгерском Генеральном штабе – перед увеличением сербской армии, если Сербия в итоге балканской войны территориально расширится; страх в германском Генеральном штабе – при виде того, как русская армия неожиданно быстро оправляется под руководством Сухомлинова от ее болезни 1905 года.

Прибегая к тактике игры «перетягивания каната», Мольтке втянул в войну Австрию, чтобы броситься самому ей на помощь и затем в свою очередь быть уверенным в ее помощи.

Германский ультиматум Франции требовал ответа на вопрос: будет ли Франция сохранять нейтралитет в «русско-германской войне». На ответ было дано 18 часов, причем в ультиматуме была добавлена угроза: «Мобилизация неминуемо будет означать войну». В случае если Франция согласится сохранять нейтралитет, германскому послу было указано предъявить ей совершенно неприемлемое требование, а именно – чтобы Франция в виде залога передала Германии крепости Верден и Туль. Дело в том, что планы Мольтке были разработаны для войны на два фронта, и они были бы опрокинуты, если бы фактически пришлось вести войну на один фронт. Могло ли военное безумие идти дальше?..

Германский посол запросил ответ 1 августа, и ему просто было передано, что «Франция будет действовать так, как того требуют ее интересы». В этот же вечер был отдан приказ о французской мобилизации. Но в республиканской Франции гражданское правительство стояло над Генеральным штабом, причем по требованию правительства еще 30 июля пограничные

силы были оттянуты назад, вглубь страны на 10 км, – как мирный жест и мера предосторожности, чтобы пограничная перестрелка не послужила предлогом для объявления войны. Хотя с военной точки зрения это и являлось некоторой помехой, но политическую мудрость такого отвода войск подтверждает тот факт, что германские дозоры перешли французскую границу 30 июля – и вновь, с официального одобрения свыше, перешли ее 31-го. Поэтому когда 3 августа Германия объявила Франции войну, она могла прибегнуть к единственному конкретному объяснению своих действий тем, что французский летчик якобы «сбросил бомбы на железную дорогу у Карлсруэ и в Нюрнберге» – слух, который был опровергнут в прессе самой Германии еще до объявления войны.

Почему же с фактом объявления войны тянули два дня?

Во-первых, из-за нового утверждения Грэй, что раз есть хоть какая-либо надежда на мирное соглашение между Россией и Австрией, Германия и Франция должны воздерживаться от каких-либо выпадов. Грэй несколько неопределенно сформулировал свои мысли, а Лихновский, стремясь сохранить мир, несколько произвольно их расширил, телеграфируя в Берлин, что «это, по-видимому, значит, что если мы не нападём на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует нам нейтралитет Франции».

Кайзер и его канцлер ухватились за эту соломинку. Кайзер сказал Мольтке: «Итак мы двинемся всеми нашими силами только на восток». Мольтке, как гласят его мемуары, возразил: *«Это невозможно. Наступление миллионных армий... результат многолетней кропотливой работы. Раз план разработан, его нельзя менять».*

Кайзер ядовито заметил: *«Ваш дядя дал бы мне иной ответ!».*

Мольтке отстоял свою точку зрения в вопросе продолжения сосредоточения сил против Франции, но кайзером было приказано на сутки отсрочить фактический переход границы Франции и Люксембурга. Мольтке патетически повествует: «Это было для меня большим ударом; меня это поразило в самое сердце». Все же «сердечный припадок» его скоро прошел, так как поздно вечером следующие телеграммы из Лондона показали, что Британия не обещает нейтралитета. Отсрочка была отменена. А если отсрочка и вызвала некоторое торможение мероприятий Мольтке, то все же это не помешало части передовых войск германцев фактически вступить в тот же день в Люксембург, опередив все предварительные расчеты.

Тем не менее британский кабинет колебался. Большинство его членов так крепко держались за мир и так сильно сомневались в общественном мнении, что упустили время дать Германии ясные предупреждения о своих намерениях, которые могли бы поддержать слабые попытки Бетман-Гольвега противостоять напору группировок, стоявших за войну. Теперь уже было слишком поздно; военная машина работала полным ходом. После 31 июля ничто не могло уже предотвратить войну.

В итоге длительные колебания британского кабинета – пусть естественные и заслуживающие уважения – только увеличивали опасения французов, боявшихся, что Англия покинет их в беде.

Положение спасла Германия. Вечером 2 августа она передала Бельгии свой давно подготовленный ультиматум, требовавший свободного пропуска германских войск, как это нужно было по германскому плану войны. Бельгийское правительство твердо ответило, что оно не позволит оскорбить свой нейтралитет. Утром 4 августа германские войска начали свое вторжение в Бельгию.

Эта угроза, еще до проведения ее в жизнь, явилась решающим фактором для укрепления мнения Британии в неизбежности интервенции – хотя, как это правильно предвидел германский Генеральный штаб, дело до этого, безусловно, должно было дойти. Британия передала Германии ультиматум с требованием уважать бельгийский нейтралитет. Ультиматум этот был принят Бетман-Гольвегом с жалобным замечанием, что Британия ввязывается в войну «только ради клочка бумаги». В 11 часов дня по германскому времени срок ультиматума истек. Сле-

довательно, Британия вступила в войну, а Италия осталась в стороне, решив 31 июля придерживаться нейтралитета.

Таким образом, в последнем (финальном) действии, как и в начальных действиях, решающими были «технические военные аргументы». Германская армия должна пройти через Бельгию, даже если это втянет в войну против Германии и Британию.

Итак, военная машина была достаточно сильна в мирное время, чтобы привести к войне, но оказалась бессильной во время войны, чтобы привести к победе!

События это подтвердили...

Глава 2. Силы и планы сторон

В борьбу народы вступили с условными взглядами и с системой XVIII века, лишь слегка претерпевшими изменения под влиянием событий XIX века.

С политической точки зрения они считали, что предстоит состязание соперничающих друг с другом коалиций, основанных на традиционной системе дипломатических союзов. С военной же точки зрения они предполагали борьбу профессиональных армий. Хотя эти армии и распухли из-за принятой на континенте системы принудительных наборов, борьба, главным образом, должна была вестись «солдатами» – а народ в массе, как зритель из амфитеатра, следил бы за успехами гладиаторов.

Германцы ближе были к истине, хотя истинное положение едва понималось одним-двумя проницательными непризнанными умами. Теория «вооруженного народа» развилась в Германии в течение XIX столетия. Эта теория представляла себе народ скорее как резервуар, питающий армию подкреплениями, чем как мощную реку, поглощающую много притоков, где армия является только одним из них. Их концепцией был «вооруженный народ» – но не «воюющий народ». Даже сегодня эта основная истина сохраняет полное значение во всем своем объеме и со всеми вытекающими из нее последствиями. В течение 1914–1918 годов воевавшие народы последовательно мобилизовали для нужд войны науку, изобретательную силу и техническую ловкость инженеров, физический труд, индустрию, наконец – перо пропагандиста. Это сочетание многих сил в течение продолжительного времени представляло собой хаотический водоворот – старый порядок уже рухнул, а новый еще не родился. Лишь постепенно все эти силы пришли к полезному взаимодействию. И все же еще спорен вопрос, действительно ли даже к последней фазе войны это взаимодействие достигло высшего предела согласования, которое направляло бы все эти разнообразные силы к одной цели.

Силы сторон

Германская армия 1914 года родилась в наполеоновских войнах. В детстве она была вскормлена Гнейзенау и Шарнхорстом, а в отрочестве ею руководили Мольтке-старший и Роон. Зрелости она достигла в войну 1870 года, блестяще выдержав испытание в борьбе с плохо снаряженной и дурно руководимой французской армией. Каждый физически годный гражданин был обязан воинской повинностью. Государство отбирало нужное ему число людей; в течение короткого срока выполнения ими воинской повинности оно давало им военную подготовку и затем возвращало к гражданской жизни. Характерной чертой, как и целью этой системы, было стремление создать крупный резерв, на основе которого можно было бы во время войны развернуть армию. Каждый гражданин выполнял воинскую повинность в течение двух или трех лет, в зависимости от того, в каком роде войск он служил. За этим следовало четырех- или пятилетнее пребывание в резерве. Потом он служил 12 лет в ландвере и, наконец, переходил в ландштурм, в котором и числился с 39– до 45-летнего возраста. Кроме того, был создан эрзац-резерв, в который входили те, кто не был призван нести службу под знаменами.

Этой организацией и совершенством подготовки объясняется секрет первого крупного сюрприза войны, который явился почти решающим. Вместо того чтобы смотреть на резервистов как на войска сомнительного качества, годные только для решения вспомогательных задач или для гарнизонной службы, германцы оказались в состоянии во время мобилизации удвоить почти каждый первоочередный корпус, создав при нем резервный корпус – и имели оправданное событиями мужество применить эти войска в открытом поле. Неожиданность эта опрокинула французские расчеты, чем сорвала весь французский план кампании.

Германцев часто упрекали во многих их просчетах и значительно реже давали заслуженную оценку правильности многих их предвидений. Но лишь они поняли то, что сегодня является аксиомой: имея высококвалифицированный кадр инструкторов, можно из рекрутов с краткосрочной подготовкой быстро создать крепкую армию.

Германские офицеры и унтер-офицеры долго срочной службы по уровню технических знаний и по мастерству не имели равных на континенте. Тем не менее, хотя военная машина и была сколочена подготовкой, прочность свою она приобретала также другим путем. Руководители Германии работали над многими поколениями, чтобы внушить народу патриотическую убежденность в величии судьбы их страны. И если противники Германии пошли в бой в 1914 году с большой уверенностью в правоте своего дела, то все же у них не было времени, чтобы этот пламенный патриотизм превратить в подобие той заранее организованной дисциплины, которая в течение долгих лет выковывалась в Германии. Армия была близка германскому народу. Он гордился ею, несмотря на беспримерную строгость армейской дисциплины.

Этим единственным в своем роде инструментом владел Генеральный штаб, который благодаря строгому отбору и подготовке не имел равного себе в Европе ни по профессиональным знаниям, ни по искусству – хотя и ему не уда лось избежать некоторой умственной рутины, характерной для всех профессий. Исключительное умение является результатом долгой практики, а постоянная практика и повторение неизбежно ведут к выхолащиванию оригинальности и гибкости мышления. Кроме того, в профессиональной армии выдвижение по старшинству является правилом, которое трудно обойти. Германцы, правда, склонялись к системе контроля штаба над командиром. Обычно на деле это передавало фактическую власть в руки более молодых офицеров Генерального штаба. Как свидетельствуют военные мемуары и документы, начальники штабов различных армий и корпусов часто принимали мгновенные решения, не давая себе труда посоветоваться с командирами. Но такая система имеет и свои теневые стороны. Отсюда брались и те палки в колеса, которые довольно часто тормозили германскую военную машину, в остальном хорошо смазанную и исправно работавшую.

Тактически германцы начали войну с двумя важными материальными преимуществами. Они одни точно оценили возможности тяжелой гаубицы и обеспечили себя достаточным числом этих орудий. И хотя ни одна армия не поняла, что пулемет представляет собой «квинт-эссенцию пехоты» и не развила до предела этот подавляющий источник огневой мощи, но германцы изучили пулемет больше других армий и сумели скорее, чем другие армии, использовать присущее пулеметам свойство подавления на поле боя всего живого. Этому предвидению значения тяжелой артиллерии и пулеметов германский генеральный штаб обязан главным образом прогнозу капитана Гофмана, молодого германского атташе при японской армии в Манчжурии. В стратегической области германцы поставили изучение и развитие железнодорожного дела на более высокую ступень, чем любой из их противников.

Австро-венгерская армия, хотя и организованная на германский образец, была несоизмеримо хуже. В этой армии традициями являлись скорее поражения, чем победы. Кроме того, созданию морального единства – отличительной черты армии союзника Австрии – мешала смесь в армии различных национальностей.

Вследствие всего этого замена старой профессиональной армии армией, построенной на началах всеобщей воинской повинности, скорее понизила, чем повысила уровень ее эффективности. Войска внутри империи были часто по национальному признаку сродни тем, которые имелись у противников по другую сторону границы. Это вынуждало Австрию к распределению войск на основе политических, а не военных интересов – чтобы родственники не сражались друг против друга. Наконец, затруднения, связанные с характерными особенностями человеческого материала армии, увеличивались еще географическим положением государства – большой протяженностью границы, которую надо было защищать.

И командиры австро-венгерской армии за редким исключением уступали в профессиональном отношении германским. Более того, хотя взаимодействие здесь понималось лучше, чем в армиях Антанты, Австрия неохотно подчинялась руководству Германии.

Но несмотря на всю свою очевидную слабость, австро-венгерская армия, являясь, в сущности, слабо сколоченным конгломератом национальностей, в течение четырех лет противостояла ударам и лишениям войны в такой степени, что это поражало и приводило в смущение ее врагов. Объясняется это тем, что сложная национальная паутина армии была сплетена на крепкой германской и мадьярской основе.

От центральных держав перейдем к державам Антанты. **Франция** обладала только 60 % потенциальной людской мощи Германии (5 940 000 против 7 750 000), и этот дебетовый баланс фактически заставлял ее призывать на военную службу всех физически годных для этого мужчин. Новобранец призывался в возрасте 20 лет, 3 полных года состоял на военной службе, затем 11 лет находился в резерве и, наконец, два срока – по 7 лет каждый – проводил в территориальной армии и в территориальном резерве. Эта система давала Франции к началу войны армию силой до 4 000 000 человек, равную армии ее противника – Германии. Но, в противоположность Германии, Франция придавала мало значения резервным частям как боевым единицам. Французское командование рассчитывало только на полурегулярные войска первой линии – около 1 500 000 человек, думая проделать с ними короткую и решающую кампанию, которая ожидалась и для которой готовилась армия. Более того, французы предполагали, что и противник их будет придерживаться той же точки зрения. Но в этом они жестоко ошибались.

Если даже не учитывать этого просчета, все же оставалось в силе другое, более серьезное препятствие – меньшая способность Франции в случае затяжной войны к последующему развертыванию сил из-за меньшей численности ее населения, не достигавшей даже 40 000 000 человек против 65 000 000 населения Германии. Полковник Манжен был сторонником создания обширной туземной армии, укомплектованной уроженцами Африки. Однако правительство пришло к убеждению, что опасности, связанные с организацией такой армии, превышают

те выгоды, которые она может дать, а опыт войны впоследствии доказал, что такое предложение было связано как с военным, так и с политическим риском.

Французский Генеральный штаб, уступавший в техническом отношении германскому, все же выдвинул нескольких наиболее способных военных мыслителей Европы. По уровню своей интеллектуальности работники французского Генерального штаба могли соревноваться с работниками других Генеральных штабов. Но французское военное мышление, выиграв в логичности, утерало ранее присущую ему оригинальность и гибкость. Вдобавок в последние перед войной годы среди французских военных возникло острое разногласие во мнениях, которое вряд ли могло послужить единству действий. Но хуже всего было то, что новая французская философия войны, уделяя все свое внимание моральному фактору, все дальше и больше отходила от неотделимых по существу материальных факторов. Самая твердая воля не в состоянии компенсировать худшее по качеству оружие, а если признать этот второй фактор, то он неизбежно будет влиять и на первый.

В отношении материальной части французам давала большое преимущество лучшая в мире 75-миллиметровая скорострельная полевая пушка. Но ценность этого орудия привела французов к переоценке возможностей маневренной войны и к постоянному недоучету необходимости иметь снаряжение и подготовку для того типа войны, который фактически позднее и имел место.

Преимущества **России** заключались в физических качествах людского состава, невыгоды – в низком умственном уровне и моральной неустойчивости войск. Хотя основная численность русской армии была не больше германской, людские запасы ее были громадны. Более того, мужество и выносливость русских были изумительны. Однако недисциплинированность и некомпетентность пропитывали ее командный состав, а солдатам и унтер-офицерам не хватало смекалки и инициативы. В общем, для войны армия представляла собой прочный, но мало гибкий инструмент. Кроме того, производственные возможности России в отношении снаряжения и огнеприпасов были гораздо ниже тех же возможностей крупных индустриальных стран. Это усложнялось еще географическим положением России. Она была отрезана от своих союзников морями, покрытыми вечными льдами, или же морями, омывающими земли ее врагов. Россия должна была прикрывать границы громадной протяженности. Наконец, серьезным недостатком была бедность России железными дорогами, которые были ей крайне необходимы, так как она рассчитывала на успех, вводя в дело свои миллионные армии.

В моральном отношении условия для России были менее благоприятны. Внутренние беспорядки давали себе знать и могли оказаться серьезной помехой в ее военных действиях, если война не окажется такой, что ее причины будут понятными и важными для примитивных и разнородных масс России.

Между военными системами Германии, Австрии, Франции и России имелось много сходных черт. Различия были скорее в деталях, чем в основах. Это сходство тем резче выявляло различие между названными военными системами и военной системой также крупной европейской державы – **Британии**. Весь последний век Британия представляла собой преимущественно морскую державу, появляясь на суше только для старой, традиционной политики – дипломатической и финансовой поддержки союзников, военные усилия которых она подкрепляла частицей своей профессиональной армии. Эта регулярная армия содержалась, главным образом, для защиты самой Англии и ее заморских владений, в частности Индии, и никогда не выходила за пределы численности, необходимой и достаточной для этих целей.

Причины столь резкого контраста между решением Британии содержать крупный флот и ее постоянным пренебрежительным отношением к армии (вернее, сознательным ее сокращением) частично являлись следствием ее островного положения. Поэтому Англия считала море своей основной жизненно необходимой коммуникационной линией, которую надо защищать в первую очередь. С другой стороны, причиной малочисленности армии являлось органическое

недоверие к ней – предрассудок, лишенный логики, корни которого, почти позабытые, восходили к военной диктатуре Кромвеля.

Английская армия, будучи небольшой по своим размерам, была в состоянии использовать громадный и разнообразный боевой опыт, отсутствовавший в других континентальных армиях. Но по сравнению с этими армиями британская армия имела свои профессиональные затруднения: ее командиры, искусные в управлении небольшими отрядами в колониальных экспедициях, никогда не руководили крупными соединениями в «большой» войне. Тем не менее горькие уроки южноафриканской войны принесли много пользы и оказали влияние, до некоторой степени противодействующее тому омертвлению мысли и ритуальности в методах, которые вырастают вместе с ростом профессиональности армий. Прогрессом в своей организации в годы, предшествовавшие мировой войне, британская армия во многом обязана лорду Халдану. Ему же Англия обязана созданием второочередной армии из граждан, частично подготовленных в военном отношении, т. е. территориальной армии.

Лорд Робертс ратовал за общеобязательную военную подготовку, но принципы добровольности так глубоко проникли в сознание английского народа, что пойти на это было рискованно. Халдан вполне разумно попытался расширить военную мощь Англии, не порывая уз, накладываемых в этом вопросе традиционной политикой Англии.

В результате Англия имела в 1914 году экспедиционную армию в 160 000 человек. Это была ударная армия, лучше отточенная и подготовленная, чем армии других стран, – рапира среди кос. Чтобы поддерживать численность этой армии, прежняя милиция была преобразована в специальный резерв, откуда экспедиционная армия могла черпать пополнения.

За этой первоочередной армией стояла территориальная, которая хотя и была призвана на службу для защиты только родины, все же имела постоянную военную организацию. В этом и было основное отличие этой армии от бесформенной армии добровольцев, которой она пришла на смену.

В отношении технических средств борьбы британская армия не обладала по сравнению с другими никакими преимуществами, но меткость винтовочной стрельбы ее бойцов не была превзойдена ни в одной из других армий мира.

Реформы, благодаря которым британская армия сравнивалась с образцовыми армиями на континенте, имели один серьезный недостаток: на них оказали влияние близкие взаимоотношения, установившиеся со времени соглашения между британским и французским Генеральными штабами. Это привело к «континентальному» складу мышления среди британских работников Генерального штаба, а действия совместно с союзной армией предрасположили британских командиров к решению задач, для которых их более гибкая армия была мало пригодна. Это обстоятельство ступсывало традиционные методы использования британской армии на суше, т. е. подвижность. Маленькая, но хорошо подготовленная армия, «как гром с неба», обрушивающаяся на противника в важном стратегическом направлении, может привести к такому стратегическому успеху, который по своим размерам ни в каком отношении не соответствовал бы ее небольшой численности.

Последний аргумент ведет нас к исследованию обстановки на море, т. е. к изучению соотношения между флотом Британии и Германии. Морское превосходство Британии, не вызывавшее в течение долгих лет никакого сомнения, в последние перед войной годы стало оспариваться Германией, которая поняла, что мощный флот является ключом к тем колониальным владениям, о которых она мечтала, как к отдушине для ее торговли и возраставшей численности населения. В этом отношении претензии Германии росли по мере того, как опасный гений адмирала Тирпица усиливал инструмент для их удовлетворения.

Под влиянием морского соревнования британский народ всегда охотно шел навстречу потребностям флота, твердо решившись во что бы то ни стало сохранить свой принцип «Two

power standard»¹⁷ и престиж на море. Хотя эта реакция и была скорее инстинктивной, чем разумной, ее подсознательная мудрость имела под собой лучшее основание, чем те лозунги, которыми эта реакция оправдывалась.

Индустриальное развитие Британских островов сделало их зависимыми от заморских источников снабжения продовольствием и от непрерывного притока предметов заморского экспорта и импорта, необходимых для существования промышленности Британии. Для самого флота это соперничество было средством, позволявшим сосредоточивать все внимание на основном. Развивалось главным образом артиллерийское дело, придавалось меньшее значение внешнему лоску и блеску медных частей. Были изменены вооружение и конструкция боевых судов; «дредноуты» открыли новую эру боевых судов, вооруженных только тяжелыми орудиями. К 1914 году Британия имела 29 таких капитальных судов, кроме того, еще 13 строилось на верфях – против 27 германских: 18 построенных и 9 строящихся. Морские силы Британии были разумно распределены, причем основная группа находилась в Северном море.

Большой критике следовало бы подвергнуть сравнительно пренебрежительное отношение Британии к подводным лодкам как мощному оружию морской борьбы – тем более что некоторые морские авторитеты ставили в этом отношении правильный прогноз. Здесь точка зрения Германии проявилась скорее в числе заложенных подводных лодок, чем в числе уже построенных. К чести Германии надо отнести то, что, хотя морские традиции были ей неблизки, а ее флот был скорее продуктом искусственных, чем естественных потребностей, высокий стандарт технического искусства германского флота делал его серьезным соперником британскому – а в области научного использования артиллерии он, возможно, был даже и выше последнего.

Но в первый период войны равновесие морских сил могло повлиять на исход борьбы в значительно меньшей степени, чем равновесие сухопутных сил. Это происходило от того, что флот страдал от присущего ему ограничения: он был привязан к морю и потому не мог наносить удары непосредственно враждебной нации. Основными задачами его явилась защита необходимых своей стране морских сообщений и действия на сообщения противника. Хотя необходимой предпосылкой для таких действий и может считаться победа в морском сражении, однако и блокада в этом случае необходима. А так как результаты блокады сказываются не сразу, то и влияние ее могло бы оказаться решающим лишь в том случае, если бы армия не смогла обеспечить (хотя на это все рассчитывали) быструю победу на суше.

В представлении о короткой войне надо искать причины сравнительно малого внимания, проявленного к экономике. Немногие понимали, что современные народы едва ли смогут выдержать в течение долгих месяцев напряжение войны в широком масштабе – войны мировой. Возмещение предметов широкого потребления (продовольствия) и капиталов, возмещение и изготовление огнеприпасов – все это были проблемы, которые изучались только на бумаге. Все участвовавшие в войне государства, за исключением Британии и Германии, могли прокормить себя. Дефицит Германии в предметах снабжения, производимых внутри страны, мог стать серьезным лишь в том случае, если бы борьба затянулась на годы. Британия же обрекалась на голод уже через 3 месяца, если бы противнику удалось отрезать ее от заморских источников снабжения.

---

¹⁷ «Two power standard» – двухдержавный стандарт, то есть принцип, по которому английский флот должен быть равным по силе флотам любых двух держав. (Прим. ред. 1935 года.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.